

Гореликова

ОБЕЩАНИЕ

Гореликова
Обещание

«Издательские решения»

Гореликова

Обещание / Гореликова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835552-3

Жила-была студентка. Училась, сдавала курсовые. Однажды на нее напали насильники и опасно ранили ножом. Истекая кровью, девушка в обмен на спасение дала невыносимое обещание. Прошли годы. И когда наша героиня стала преуспевающей бизнес-вумен и матерью двадцатилетнего сына, к ней явились за долгом. Зло — Настоящее Зло — потребовало от нее сына.

ISBN 978-5-44-835552-3

© Гореликова
© Издательские решения

Обещание Гореликова

© Гореликова, 2016

ISBN 978-5-4483-5552-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Было ужасно холодно. Алла притоптывала, подпрыгивала, вышагивала то на пятках, то на носках, все пыталась согреться и не могла. Мороз проник под пальто и пробирал до костей.

А вокруг ни души – черная платформа, слегка припорошенная первым снегом, и тусклые фонари.

Алла ухватила сумку за длинный ремень и стала с силой размахивать ею, как маятником. Немного согревшись, повесила тяжеленную сумку на плечо. Тяжеленную – из-за курсовой и пачки черновиков.

Именно из-за нее Алла оказалась на пустынной платформе в двадцати километрах от Москвы. Близился срок защиты, требовалась подпись научного руководителя. Доцент Лозинская часто болела, Алла уже несколько раз приезжала сюда, в маленький подмосковный поселок, то за очередными правками, то за отзывом, а вот теперь – за заключительной подписью. Пришлось привыкнуть к вечным опозданиям электричек.

Алла отодвинула обшлаг, между варежкой и рукавом свитера блеснули золотые часики, подаренные мамой на окончание школы.

Электричка опаздывала уже на тридцать пять минут.

Девушка продолжала мерить платформу шагами. Было темно и тихо. С другой стороны дороги чернели деревья, щетиной торчали корявые зимние ветки. Неожиданно накатила тоска – сосущая, тревожная, непонятная...

Чтобы отогнать непонятные мысли, Алла запрыгала, уже совершенно не чувствуя окочевших ног. Вслух считала шаги и вспоминала чай с вареньем из бузины, которым полтора часа назад угощала Лозинская. Варенье отдавало аптечной сладостью, а вот чай был хорош – крепкий, горячий. *Обжигающий!*

Послышалось гудение.

Прислушиваясь, Алла приподняла край вязаной шапочки, боясь ошибиться.

Нет, точно гудит! Слава богу! Она сядет у окна, продавит пальцем иней на стекле и будет смотреть, как в окуляр, на мелькающие в ночи огоньки. Электричка поедет в Москву! А там теплое людное метро...

Гудение приближалось, что-то двигалось по путям. Но как-то чересчур громко, даже фонари начали подрагивать, и платформа завибрировала под ногами.

Алла вгляделась и обомлела. На нее надвигалось огненное пятно.

Девушка инстинктивно шарахнулась в сторону, прижалась спиной к черной, как будто кладбищенской, ограде.

Мимо с грохотом проплыло нечто огромное, раскаленное, дышащее горячим маслом.

Алла с трудом выдохнула. Фух, до чего же она испугалась!

Одноглазое чудовище оказалось локомотивом, правда, очень большим, который неспешно проследовал дальше, освещая внизу стальные рельсы, а перед собой – промозглую пустоту. Он почти скрылся во мраке, а Алла все продолжала прижиматься к забору, тело никак не могло отойти от недавнего страха.

И снова – колынуло нехорошее предчувствие.

Прокляв и Лозинскую с ее ларингитом, и деканат со сроками, и поезда разом, девушка побежала к кассе.

Крошечное окошко прикрывала облезлая фанера. Стянув варежку с онемевшей руки, Алла постучала, и после нескольких минут тягостного ожидания услышала недовольный голос:

– Чего надо?

– Когда будет электричка?

Губы замерзли и плохо слушались, а зубы стучали так, что даже усилием воли она не могла их сжать.

– Авария на линии.

Фанерка приоткрылась, из темной дыры пахнуло теплом и запахом тушеной капусты.

– Часа три поездов не будет.

– Как это не будет? – опешила Алла. – Что же мне делать?

– А тебе куда надо-то?

– Домой. То есть в Москву.

– Автобусом поезжай. Они вроде еще ходят.

Фанерка поползла обратно.

– Погодите! – в отчаянии закричала Алла. – А где автобус? Куда идти?

– С платформы налево. Там тропинка прямо до остановки, – фанерка захлопнулась.

Алла натянула варежку и пошла по грязно-серой тропке вдоль платформы. По бокам торчали жесткие кусты, запорошенные снегом.

Фонарей не было, она шла почти наугад, отчаянно желая как можно скорее выйти к свету и людям.

Внезапно впереди выросли три черные фигуры.

– Привет, цыпа.

Алла застыла. Во рту мгновенно пересохло.

– Торопишься куда?

Один из них зашел за спину – ее окружили.

– Я на станцию иду, пропустите! – Алла старалась говорить уверенно.

– Так станция в другую сторону! – первый притворно удивился.

– Я на автобус. Пустите.

Фигуры не сдвинулись с места.

– А она ничего, – наконец заметил первый.

– А, по-моему, обычная фигня, – возразил второй. – Студентка.

– Давай попробуем, отличаются ли студентки от колхозниц?

– А ну, отойдите! – сказала Алла. – Я кричать буду.

– Кричи, – разрешил первый. – Я люблю, когда бабы кричат.

Третья фигура пододвинулась ближе, и Алла нервно оглянулась.

– Послушайте, я в милицию заявлю!

Парни расхохотались.

– А она забавная! Давай, Митяй, познакомимся с девушкой поближе?

– Не, Серый, у меня на таком морозе не встанет. А вот сумочку я бы посмотрел. Дай сюда!

Он неожиданно выбросил вперед руку, Алла шарахнулась и оказалась в крепких объятиях третьего, мигом сжавшего ее локти. Тот, которого называли Митяем, вырвал сумку и начал в ней рыться.

– Что там? – спросил первый, не отводя взгляда от испуганного лица Аллы.

– Тетрадки какие-то, точно студентка... О, кошелек!

Парень выудил кошелек и щелкнул замочком.

– Ого, пятерка! – он помахал синенькой бумажкой. – И мелочь. Богатенькая студентка!

– И, небось, колечки есть, – предположил первый.

Второй засунул кошелек себе в карман и больно выкрутил девушке руки.

– Ерунда, неделька, – пренебрежительно сказал он, рассмотрев тоненькое серебряное колечко на безымянном пальце. – А вот часы, кажись, золотые.

Он рванул браслет, и материн подарок оказался в его потной пятерне.

– Теперь сережки! – скомандовал первый.

Стоявший за спиной на секунду отпустил ее локти и сорвал с девушки вязаную шапку.

– Нету сережек! – сообщил второй.

– Ну, тогда осталось самое интересное, – многозначительно сообщил первый.

Он рванул пальто, пуговицы дождем посыпались на землю. Нехорошо ухмыляясь, протянул руку и провел пальцами по шее, ища цепочку. Нашупав тонкую золотую нитку, дернул, кожу ожгло резкой болью. Алла вскрикнула.

Парень отдал цепочку напарнику и снова протянул руки. Зажатая третьим, Алла не могла сопротивляться.

Жадная рука блуждала по свитеру, больно тиская грудь.

– Помогите, – тихо проговорила девушка.

– Сейчас я тебе точно помогу, – пообещал парень и наклонился совсем близко.

Алла почувствовала запах перегара, попыталась откинуть голову, но тщетно.

Рука парня стала вытаскивать свитер из брюк. Алла забилась в руках третьего безмолвного.

– Помогите! – уже громко закричала она.

– Ну че ты? – хрипло спросил первый. – Сейчас все будет.

Он уже добрался до молнии на брюках. Его руки подрагивали от возбуждения.

– Блин, зима долбанная! Напялят на себя целую кучу дерьма, – бормотал парень.

Алла почувствовала, как ему удалось расстегнуть пуговицу. Голова маячила возле самых глаз. Вязаная шапка-петушок, съехав набок, открыла хрящеватое ухо. Ни о чем не думая и не испытывая брезгливости, желая только защититься, Алла впилась в ухо зубами. Насильник взвыл и дернулся, а ее зубы, как волчьи, щелкнули пустотой.

– Ах ты, сука! – завизжал парень и с размаха залепил кулаком в лицо.

В глаза брызнуло огнем. Мир померк, оставив только легкий звон в ушах. Алла обмякла в руках третьего.

Ощущения вернулись через секунду, когда Алла почувствовала боль в скуле и холод внизу живота – парень разорвал молнию на брюках.

Собрав все силы, Алла рванулась вперед, выскользнула из рук замешкавшегося третьего и ударила насильника мыском сапога по голени. Тот согнулся от боли. Не теряя ни секунды, она оттолкнула с дороги удивленного второго и завопила:

– Помогите!

– Атас! – закричал второй и рванул куда-то вбок, в кусты.

Алла побежала к спасительному повороту. В это время третий, опомнившись, в два прыжка нагнал ее и ткнул в бок чем-то длинный и острым.

Боль была слабой, Алла пробежала еще метра три. А потом ноги подкосились, и она упала на снег.

– Теперь точно догонят, – подумала девушка и потеряла сознание.

Когда Алла пришла в себя, она по-прежнему лежала на снегу. Прямо перед глазами торчали сухие травинки.

Сознание возвращалось крайне медленно. Алла тупо смотрела на углубление в снегу вокруг засохшего стебля. Что с ней? Почему она лежит на земле?

Память вернулась внезапно – точно удар молнии.

Где они?

Лежа, она видела только сугробы, казавшиеся огромными, как Гималаи, и затоптанную дорожку, которую ее тело перегораживало подобно шлагбауму. Похоже, вокруг никого не было.

Они убежали! Испугались сами или их кто-то спугнул. Она спасена. Она в порядке!

Алла попыталась подняться и поняла, что она вовсе не в порядке.

Одеревеневшее тело не слушалось, во рту ощущалась такая сухость, точно он был набит ватой. Алла давилась и жевала, однако вата стремительно разрасталась, стало трудно дышать через нос. Дыхание белым облаком вылетало изо рта и растворялось в черной пустоте. Былинка перед глазами увеличилась до размеров баобаба.

Мороз все уверенней пробирался под одежду. Под *мокрую* одежду. Алла чувствовала, как свитер и пальто напитались теплой жидкостью, которую даже в мыслях не могла назвать кровью.

Нет, нет, это не кровь! Это просто тает снег.

Алла сморгнула, по лицу заструились слезы.

Ноги оледенели, это было даже приятно – по сравнению с горячим и мокрым боком. Надо встать и вернуться, подумала Алла. Черт с ним, с автобусом! Вернуться обратно на платформу и постучать в слоистую фанерку. Они обязательно откроют, пустят в комнату, где тепло и уютно пахнет капустой.

Алла попыталась подтянуться и опереться на здоровую руку, но та не выдержала веса и подлومилась, как замерзшая былинка. Алла уткнулась лицом в снег и заплакала. Она не может идти и даже не помнит, в какой стороне станция.

Сколько прошло времени, Алла не знала. Лежала с закрытыми глазами и прислушивалась к току жидкости, которая выливалась из нее в землю. Жидкость текла, точно река... река обмелела... точно песок сползает... рушатся барханы...

Нет, не барханы – сугробы.

Снег скрипит.

Странно, откуда могло взяться столько снега? Снег скрипел, визжал под чьими-то ногами.

Алла почувствовала чье-то присутствие, но глаза открывать не стала. Было все равно, кто стоял рядом. Недавние бандиты, добрые прохожие – все было ничто перед слабостью и горьким осознанием того, что она не помнит, в какой стороне станция.

Шаги прозвучали и смолкли. Кто-то стоял около ее лица.

Алла открыла глаза не потому, что хотела посмотреть, просто слишком много слез скопилось под веками. Она открыла глаза и выпустила поток наружу. Обжигающие, слезы заструились вниз по лицу и немного согрели озябшие щеки.

Ледяным было все тело. Даже жидкость, пропитавшая пальто и свитер, остыла. Алла попыталась пошевелить пальцами и не смогла. Но ноги – это понятно, на ногах тесные зимние сапоги. А вот почему не двигаются пальцы рук?

Алла подняла глаза и увидела над собой черную фигуру.

Они вернулись?

Алла забилась, пытаясь уползти. Распростертое на земле тело было подобно рыбе, выброшенной на берег – такое же беспомощное. Алла жалобно застонала.

Фигура не шевельнулась.

Алла прищурилась, стараясь разобрать, кто это – друг или враг?

Слезы, как линзы, увеличивали изображение, и девушка поняла, что перед ней старуха. Даже во мраке Алла разглядела темное лицо, покрытое глубокими морщинами, похожими на трещины в еловой коре.

– Кто вы? – спросила Алла, и сама испугалась хриплого, неясного звука собственного голоса.

Старуха молчала.

«Она мне чудится, – подумала Алла. – Это от кровопотери. Я потеряла много крови».

Кровь... Алла впервые назвала настоящим именем теплую жидкость, разлившуюся под телом и пропитавшую снег жирными пятнами.

– Вы мне чудитесь?

Старуха, сцепив на животе руки, стояла неподвижно, как статуя. На старинных кладбищах бывают такие памятники – большие, чугунные... страшные!

Алла не могла остановить слез, хотя понимала – плакать не надо, надо экономить жидкость, которая еще оставалась внутри тела. Однако слезы текли и текли. По крайней мере, они хотя бы согревали лицо.

Внезапно старуха шевельнулась. Статуя ожила. Руки изменили положение. Голова наклонилась.

– Помогите, – еле слышно прошептала Алла, умоляюще глядя снизу вверх.

– А чем заплатишь? – спросила старуха.

Так она действительно живая? Старуха двигалась, говорила. Значит, она могла помочь!

– В сумке кошелек, там деньги, – начала, было, Алла, и осеклась, вспомнила: черная фигура роется в замшевой сумке, вытягивает оттуда синюю бумажку, звенит мелочью.

Они же украли деньги! Ей нечем заплатить за помощь!

Алла застонала от бессилия и жалости к себе. Хотела завывать, но не нашла сил.

А старуха нависала над ней, как утес, и молчала.

– У меня украли деньги, – обреченно проговорила девушка.

Старуха молчала, и Алла приготовилась умереть – здесь, на тропинке, среди грязного снега и сухих кустов.

После паузы, которая длилась не меньше столетия, старуха спросила:

– Кто тебя ждет?

Алла встрепенулась. Неожиданный вопрос словно согрел ее. Кто же ее ждет?

Конечно, мама! Как ей больно будет узнать, что дочь умерла возле железнодорожной насыпи.

Раньше Алла не была особо слезливой, но сейчас плакала, не переставая. То ли решила перед концом выплакать свою долю слез, то ли они помогали переходу в новое состояние, туда, где уже не будет ни боли, ни холода, ни сожалений о том, что лежишь в одиночестве на грязном, заляпанном кровью снегу.

– Еще кто? – требовательно спросила старуха.

Алла покорно шмыгнула носом.

Еще Вадим. С ним она тоже больше не увидится. Наверное, Вадим будет помнить о ней и печалиться. Алла вспомнила его глаза, цвета крепкого чая... губы... тело, удивительно горячее, точно под кожей была печка... прерывистый шепот...

Сколько же всего в ее жизни больше не будет!

Как и самой жизни тоже...

Слез было так много, что они растопили снег, и щека покоилась на черной раскисшей земле.

– Я могу спасти тебя, – неожиданно сказала старуха.

Что? Что она сказала?

Алла напрягла шею, пытаясь приподнять голову.

– Мне нечем вам заплатить, – пробормотала она. – У меня украли деньги и часы.

– Ты расплатишься потом.

– Я согласна! Я... мама... мои друзья... они привезут вам деньги!

Старуха повела рукой, разом отрезав ее путанное говорение. Алла умолкла, хотя последнее слово еще трепетало на губах.

– Ты обещаешь отдать то ценное, что у тебя есть, но о чем ты еще не знаешь?
Дурацкая детская сказочка! Что это у нее есть, но она не знает?

На мгновение Аллу охватило раздражение – разве перед смертью может мерещиться такая чушь?

А голос старухи гремел, как колокол, перекрывая и шум деревьев – и откуда в лесу такая буря? – и грохот пронсящих мимо составов – а ведь на станции сказали, что электрички не ходят – и злое хлюпанье в груди.

– *Обещаешь?*

– Да! Да! Обещаю! Только спаси! Только уведи меня отсюда!

Буря, пришедшая из лесу, еще более усилилась, закружилась смерчем и унесла бедную Аллу в черный водоворот.

– Помни свое обещание! – летел вслед громовой голос. – Отдашь через двадцать лет.

Двадцать лет – это очень долго. Двадцать лет – это целая вечность!

Прожить бы еще минуту в тепле и сухости!

Хотя бы минуту... и за это Алла готова была отдать все.

– Хорошо. Хорошо! *Хорошо!!*

– Хорошо, хорошо... – примирительно сказал ласковый голос. – Только не дергайся, лежи спокойно. Уже все кончилось.

Алла открыла глаза. Она по-прежнему лежала в белизне сугробов, только сугробы были теплые и безопасные. И сухие!

«Это же простыни, а не снег, – догадалась она. И тусклый синий свет – это не перронный фонарь, это – ночник. Но где же я? В раю?»

– Нет, – засмеялся голос, – до рая тебе еще далеко. В больнице ты.

– Что со мной? – Алла не понимала, говорит ли она вслух или только думает.

– Ножом тебя пырнули изверги, вот что!

Над кроватью склонилось лицо, даже в слабом свете было видно, что оно полно сострадания.

– Разве можно так, совсем молоденькую девчонку-то? – приговаривала медсестра.

Ее белый халат крахмально шуршал, полные руки ласково хлопотали над Аллой.

– Но ты тоже хороша, чего ходишь в одиночку? Да еще ночью, да еще в таком глухом месте?

– Что со мной было?

– Что было, то сплыло. Теперь все хорошо. Рану тебе заштопали, кровь перелили, на поправку пойдешь. – Женщина наклонилась еще ближе. – И ребеночек твой цел.

– Какой ребеночек?

– А ты и не знала? – Медсестра с удовольствием рассмеялась. – Ох уж эти молодые мамочки! У тебя ж ребеночек есть. Уже недель одиннадцать-двенадцать как! Вот обрадуешь мужа-то!

Мозг пытался переварить услышанное. Ребенок... она беременна? У нее, конечно, были некоторые подозрения, но... Вадим же обещал быть аккуратным!

Говорливая медсестра во все глаза смотрела на нее и ждала реакции.

– А я не замужем, – ляпнула Алла первое, что пришло в голову.

Лицо женщины посерьезнело, но ненадолго, и вновь расплылось счастливыми складками.

– Вот и будет у тебя две радости – и замуж выйдешь, и родишь! Аль он женатый?

– Кто? А, Вадим... Нет, он не женат. Мы учимся вместе.

– Вот и хорошо – и учитесь вместе, и жить будете вместе. Тебе сколько лет?

– Девятнадцать.

– А звать тебя как?

– Алла. Алла Волкова.

– Ну, и славно, Алла Волкова! Смотри, какая ты счастливая – и сама жива осталась, и ребеночка доктор сохранил, и муж скоро появится. Живи, Алла Волкова, да радуйся!

Медсестра еще раз поправила подушку и ушла.

Алла осталась одна. Лежала, уставившись широко открытыми глазами в белый потолок, и пыталась осознать происшедшее.

Промерзшая платформа, качающиеся мутные фонари... Одноглазый локомотив... Кладбищенская ограда и жадная рука, шарящая по груди... Легкий укол в бок – будто прокололи воздушный шарик... Утекающая в землю кровь и оживший могильный памятник...

Вроде бы в лесу произошло еще что-то важное, но что? Мысль ускользала. Организм сопротивлялся, вытесняя неприятные воспоминания.

Спать хочется...

Алла повозилась на белоснежных простынях и уснула.

Снились ей странные сны – то бесконечная пустошь с поднимающимися столбами черного дыма и зловещие блики на бронзовом алтаре, то выжженная земля, по которой бежали люди с автоматами и кричали по-русски, то непонятные голубые звезды.

Но это были хорошие звезды. Яркие.

21 апреля, понедельник

Яркое солнце било в глаза, и Алла попросила Олега опустить жалюзи. Как только в кабинете воцарилась легкая полутьма, сидевшие за столом с облегчением вздохнули. Совещание шло третий час, все устали и были раздражены.

Алла с силой прижала пальцы к виску. Голова болела с самого утра, и с утра же мучило необъяснимое беспокойство.

Она оглядела подчиненных. На их лицах лежали полосатые тени от жалюзи. Татьяна, чьи глаза оказались в светлой полосе, подслеповато щурилась. У Олега, наоборот, глаза были в тени и поблескивали, как блестящие камешки. Илья, согнувшись, рисовал что-то в ежедневнике.

Мобильник, лежавший перед Аллой, завибрировал.

– Значит, проект вы провалили? – едко спросила Алла и в который раз нажала кнопку сброса вызова.

– Ну почему сразу – провалили? – пробурчал Илья.

– Потому что до встречи с клиентом осталась всего неделя, а у вас ничего нет. Нет не только разработанной концепции, но даже и мало-мальской идеи. А клиент, напомню, внес предоплату.

– Тоже мне предоплата, – фыркнула Татьяна. – Подумаешь, сорок тысяч!

– Ах вот как? Значит, сорок тысяч – это уже не деньги? Хорошо, я учту это, когда буду начислять тебе зарплату.

– Алла Сергеевна, – сказал Олег, осторожно подбирая слова, – возможно, мы не совсем ясно выразились, и именно поэтому у вас возникло такое негативное восприятие. Уверяю, работа ведется в рамках утвержденного графика, и к намеченной дате мы обязательно будем готовы предоставить клиенту несколько вариантов концепций...

Он смолк, потому что ее мобильный снова завибрировал. Алла посмотрела – все тот же номер. Она выключила звук и перевернула трубку дисплеем вниз.

– Продолжай, я слушаю, – сказала она Олегу.

– Может быть, это срочно? – спросил тот, указывая на телефон.

– Не волнуйся, когда нужно будет ответить на звонок, я это сделаю. Сейчас для меня важнее услышать объяснения, почему провален проект.

– Он вовсе не провален, Алла Сергеевна! Дело в том, что...

Мобильник пискнул, пришло очередное сообщение. Олег опять замолчал.

Алла чувствовала, как внутри поднимается раздражение, готовясь выйти из берегов и мощной волной смыть все вокруг. И пронирыливого Олега, и толстую Татьяну, надушившуюся сегодня слишком крепкими духами, и вечно бурчащего Илью. И, главное, телефон, который все утро разрывался от звонков и смсок какого-то ненормального с требованием вернуть долг.

– Вы, похоже, совсем с ума посходили, – раздраженно сказала она. – На вас с неба падает клиент, а вы даже не можете приподнять свои задницы и подобрать деньги. Короче, – Алла решила заканчивать утомительную говорильню, – вам, друзья, придется определяться. Либо завтра я выслушиваю от вас адекватный, подчеркиваю, адекватный, сценарий встречи с клиентом. Либо я делаю определенные выводы, и тогда уже – не обессудьте. А на сегодня болтовни достаточно, все свободны.

Стулья задвигались, и тут снова завибрировал телефон. Она наконец взяла трубку.

– Алла Сергеевна? – спросил незнакомый мужской голос.

– Она самая, – нелюбезно отозвалась Алла. – А вы кто? Звоните уже двадцатый раз.

– Всего лишь девятнадцатый, – засмеялась трубка. – И заметьте, что вы ответили только сейчас.

– Потому что была занята. Неужели трудно догадаться, что человек сбрасывает звонки не просто так?

Илья вышел из директорского кабинета, а Олег с Татьяной намеренно замешкались, желая подслушать разговор. Алла рукой указала им на дверь.

– Возможно, что вы и правы, – ответила трубка. – А возможно, и нет. Обычно на мои звонки отвечают сразу же.

– Тогда, может быть, вы представитесь?

– Ах да, простите, – В устах незнакомца эти слова прозвучали как «прощаю». – Росточкий Геннадий Эммануилович.

– Очень приятно, – ответила Алла и подумала: «Ну и имечко! Язык сломаешь».

– Да, вы правы, для первого знакомства трудновато. – Собеседник будто прочел ее мысли. – Но когда привыкнете, будете выговаривать проще, чем Иван Иванович.

– Геннадий Эммануилович, нельзя ли по существу? – перебила Алла.

Трубка задрезжала хохотком.

– Вот именно к этому я и стремлюсь, дорогая Алла Сергеевна! Стремлюсь с самого утра. Дело в том, что я адвокат и звоню вам по поручению своей клиентки.

– Какой клиентки?

На перегородке из матового стекла, отделявшей кабинет от приемной, мелькнули тени.

Наверняка Игорь с Татьяной подслушивают, поганцы, из-за чего волнуется их директор.

Алла встала из-за стола и, нарочито громко стуча каблуками, прошлась по комнате. Подчиненные испуганно разбежались, Алла прикрыла дверь плотнее.

– Так какой вашей клиентки? – повторила она.

– Я рад, Алла Сергеевна, что вы наконец-то избавились от посторонних ушей и готовы обсуждать наш вопрос. Пока – подчеркиваю, только пока! – моя клиентка не уполномочивала открывать свое имя. Однако вы связаны с ней неким обещанием, исполнением которого она озабочена.

– Погодите, погодите! Стоп! – Алла замотала головой. – Озабочена... уполномочена... Вы о чем? И вообще, вы меня ни с кем не путаете?

– Нет, Алла Сергеевна, не путаю. Впрочем, это не телефонный разговор, поэтому предлагаю встречу, на которой я окончательно развею ваши сомнения. По рукам?

Алла поморщилась. Ни разговор, ни собеседник ей не нравились. Не нравилось мудреные имя-отчество, хорошо поставленный и слишком гладкий голос, неназванная фамилия клиентки, желание вытащить на непонятную встречу.

– На этой неделе я занята, – начала она.

– Нет, Алла Сергеевна, так не пойдет, – оборвал собеседник, – мы встречаемся завтра. В одиннадцать часов утра вы подъедете ко мне в контору. И я очень не рекомендую пренебрегать моим приглашением.

– О кей, – согласилась Алла, в ее голосе зазвучал металл, – я приеду. Однако наша беседа пойдет совсем не в том ключе, на который вы рассчитываете, Григорий Эммануилович!

– Геннадий.

– В смысле?

– Меня зовут Геннадий Эммануилович.

Собеседник точно посмеивался.

– Без разницы. Пусть будет Геннадий.

– Ну и славно! Пишите адрес.

– У меня нет ручки, – сказала Алла, глядя на ежедневник, заложенный паркером.

– Лукавите, уважаемая Алла Сергеевна, – засмеялась трубка, – ой, лукавите! Ну да ладно, на первый раз я вас прощаю. Адрес сейчас вышлю, – и Геннадий Эммануилович отключился прежде, чем разгневанная Алла успела ответить.

Спустя пару секунд пропищала смска. Контора таинственного Геннадия Эммануиловича находилась сравнительно недалеко.

Алла задумалась.

Происходила какая-то ерунда. Что за неожиданный долг? В вопросах бизнеса Алла была крайне щепетильна, поэтому с деятельностью агентства звонок таинственного Геннадия Эммануиловича вряд ли связан.

Или все-таки связан?

Она задумчиво смотрела на телефон, который мигал синим огоньком – восемнадцать неприятых вызовов!

На всякий случай надо позвонить Ирине, которая формально все еще оставалась соучредителем. Когда-то давно они начинали вместе, но постепенно Ирина отошла от дел, и теперь всеми вопросами Алла занималась единолично.

Ирка долго не брала трубку, а наконец-то отозвавшись, затараторила:

– Не могу долго разговаривать, извини. Я уже в самолете. И не говори! Голова кругом идет! Что случилось? Долги требуют? Наплюй на всех и не делай резких движений! Завтра я буду в Москве, обсудим! Все, пока, взлетаю! – и отключилась.

Беспечный тон подруги немного успокоил Аллу.

Что ж, она завтра встретится с этим адвокатом и выяснит, что за дела затевает его клиентка.

22 апреля, вторник

Ночь прошла тревожно, кошмары сменяли друг друга, а где-то на периферии сознания все время крутились слова: «Обещание!», «Обещание», «Обещание-е-е...»

«Что за дурацкое обещание?» – думала Алла, беспокойно перекатываясь с боку на бок на простынях, в одночасье сделавшихся жесткими и неудобными.

Какого черта?

Она то и дело поглядывала на часы, надеясь, что рассвет принесет облегчение и ясность мыслей. Как только небо посветлело, и над крышей соседнего дома показалась краешек солнца,

встала и пошла на кухню варить кофе. С чашкой в руках села у подоконника, рассеянно глядя на пустынную в ранний час улицу.

В семь часов на кухне появился Артем.

– Ма? – удивленно спросил он. – Ты чего, случилось что-нибудь?

– Голова немного болит.

– Таблетку принести?

Забота в голосе сына неожиданно растрогала.

– Нет, спасибо, я уже выпила. Скоро должна подействовать. А ты что так рано?

– Договорился с Дашкой встретиться в универе перед первой парой. Обещал ей скачать кое-что.

– Кое-что – это музыку?

При упоминании подружки сына умиление испарилось, однако Артем не заметил изменений тона и радостно продолжил:

– Нет, мамуля, кое-что – это курсовая. У Дашки полная засада! Предзащита через два дня, а она совершенно не готова, представляешь?

– Представляю, – голос Аллы окончательно похолодел. Она встала и выплеснула остывший кофе в раковину. – Включи-ка чайник.

Артем щелкнул клавишей и полез в холодильник.

– Мам, – спросил он из-за дверцы, – а что у нас можно на хлеб положить?

– Сыру возьми.

– А колбаса есть?

– Если ты купил, то есть.

– Когда я мог купить? – возмутился Артем. – Я вчера весь день в интернете просидел.

– Ага, искал Даше курсовую. А она, наверное, в это время матери помогала.

– Мам, ну сколько раз повторять? Даша живет в общежитии!

– Тогда я не понимаю, почему в таком случае она не могла найти курсовую? Сама для себя, – безжалостно уточнила Алла.

– Мам, а тебе не кажется, что ты к Даше относишься необъективно?

– Ты знаешь, я вообще к ней никак не отношусь, – изменила тон Алла. – Но чисто внешне она нравится мне больше, чем твоя прежняя – бритая – Катя. Согласись, сын, что лысая женщина – это неестественно.

– Катя, между прочим, была байкершей, – сказал Артем, намазывая маслом половину батона.

– И что из этого? Длинные волосы снижают скорость у мотоцикла?

Артем фыркнул от смеха и чуть было не уронил хлеб на пол.

– Осторожней, – предостерегла Алла сына. – Помни, что бутерброд всегда падает маслом вниз. Это закон мироздания.

– Мамусик, ты у меня самая прикольная! – Артем пылко обнял мать.

– Мне приятно это слышать, – усмехнулась Алла.

– А голова прошла?

– Прошла.

– Тогда можно я попрошу денег?

– Для каких целей?

– Мы с Дашкой хотели сегодня погулять, и я подумал, что если проголодаемся, то сможем куда-нибудь зайти.

Алла вздохнула.

– Только не ходите в Мак-Дональдс.

– Хорошо, я поведу ее в «Националь». Дай денег, а?

– Возьми в кошельке.

Артем ускакал в коридор за сумкой, и Алла крикнула вслед:

– Когда вернешься?

– Обещаю, что не поздно. А у тебя какие планы?

– Сейчас поеду на встречу, потом в офис.

– Что-то не так? – Артем возник в дверном проеме и внимательно посмотрел на нее. – У тебя неприятности?

– С чего ты взял? – довольно натурально удивилась Алла.

– У тебя голос такой... и лицо.

– Ерунда, – Алла потрепала сына по волосам. – Просто я плохо спала. Давай ешь быстрее, а то опоздаешь.

Артем убежал в университет, а Алла стала собираться на встречу с Геннадием Эммануиловичем. Ну и имечко, прости господи!

Офис Геннадия Эммануиловича находился в сталинской высотке в центре Москвы. Когда-то здесь было министерство, ныне здание наводнили многочисленные арендаторы. На табло при входе Алла насчитала не менее трех десятков названий, но надписи «Адвокатская контора» не заметила. Сверилась с смской. Вроде адрес тот. Шестой этаж. Комната 666.

Алла не поехала в старом, обтянутом сеткой, лифте, поднялась пешком, по гулкой узкой лестнице. После залитой солнцем улицы помещение казалось мрачным и сырым.

Адвокат обитал за дверью, обитой пухлым черным дерматином. Окно в комнате было зашторено, а под высоким, не менее трех метров, потолком горела тусклая лампочка без абажура.

Из-за стола, заваленного бумагами, привстал худощавый мужчина.

– Здравствуйте, Алла Сергеевна, – приветствовал он, широко улыбаясь и оглядывая внимательными, как будто выпцветшими глазами.

Он взял ее руку и несколько раз пожал в чересчур горячем приветствии.

– Искренне рад познакомиться. А знаете, вы очень похожи на свой голос. Столь же цветущая и молодая.

Его любезность еще более насторожила Аллу, и она сухо ответила:

– Благодарю за комплимент.

– Это не комплимент, а чистейшая правда! – воскликнул собеседник. – Чистейшей прелестью чистейший образец!

Алла недовольно поморщилась.

– Впрочем, узнаю современных молодых женщин! Дела, дела – вот главное! Правнучки расплачиваются за своих прабабушек, которые жили неторопливо и годами ждали сначала взгляда, потом пожатия руки...

– Предлагаю перейти к делу, – прервала Алла. – Куда можно присесть?

– Ах, да! Заболтался, старый черт. Прошу!

Алла опустила в черное кожаное кресло, неожиданно шикарное для такого облеслого кабинета, и взглянула в лицо адвоката.

– Я вас слушаю.

Возраст Геннадия Эммануиловича определялся с большим трудом. С одинаковым успехом ему можно было дать и сорок пять, и шестьдесят лет. Лицо выглядело моложавым, однако в углах глаз копились обильные морщинки, а лоб прорезала глубокая горизонтальная морщина, похожая на шрам.

Ростоцкий сидел, откинувшись на спинку кресла, и вертел в пальцах карандаш.

Минуты две они молча смотрели друг друга в глаза.

Наконец Алла спросила:

– Так о чем вы хотели поговорить?

Геннадий Эммануилович чуть изогнул края губ, что, вероятно, должно было символизировать улыбку.

– А вы не догадываетесь, милейшая Алла Сергеевна?

– Ничутьточки не догадываюсь, милейший Геннадий Эммануилович, – в тон ему ответила Алла.

– Значит, не догадываетесь... Так, так... И, тем не менее, приехали минута в минуту, несмотря на пробки, – продолжил он. – Интересно, почему?

Раздражение Аллы росло.

– Вы пригласили меня поиграть в загадки?

– О нет, ни в коем случае!

Он поднял левую руку, и Алла обратила внимание на чересчур длинные пальцы и слишком белую кожу ладоней.

– Просто мне всегда было интересно изучать подсознательное в человеке. Вы даже не представляете, Алла Сергеевна, насколько люди бессильны перед собственным подсознанием. Ид, эго, суперэго – слыхали про такую теорию?

– Вы психоаналитик? – поинтересовалась Алла. – А мне показалось, что по телефону вы представились адвокатом.

– Да, да, конечно, я адвокат, – добродушно отозвался собеседник. – Уже много-много лет адвокат. Психоанализ – мое хобби.

– Нельзя ли поближе к делу?

Геннадий Эммануилович по-птичьи склонил голову набок.

– Я хотел напомнить вам, Алла Сергеевна, что срок долга, отпущенный моей клиенткой, истекает. Пора выполнять обещание.

Алла с подчеркнутым недоумением подняла брови.

– Я не ослышалась? Вы сказали, что я должна вашей клиентке?

– Должны, Алла Сергеевна, должны.

– Интересно, – протянула Алла. – Что-то я не припоминаю ничего подобного в своей жизни. Как же зовут вашу клиентку?

– Боюсь, что в данный момент ее имя вам ничего не скажет.

– Еще более интересно. – Алла полезла в сумку и вынула оттуда диктофон. – Вы позволите? – Она включила запись. – Итак, вы говорите, что существует какой-то долг, который я должна отдать вашей клиентке, чье имя вы не хотите разглашать?

В течение нескольких секунд адвокат оценивающе смотрел на Аллу.

– А вы деловая женщина, Алла Сергеевна.

– А вы в этом сомневались? Напрасно. Теперь ответьте, пожалуйста, на мой вопрос.

– Извольте, отвечу. Да, существует ваше обязательство вернуть некий долг моей клиентке, чье имя не называю, и которое вы вскоре узнаете. Но обрадует ли оно вас, вот в чем вопрос?

– Позвольте мне самой решать, радоваться или нет. Сейчас хочу узнать, подкреплены ли ваши слова какими-либо документами? Например, моей распиской?

– Нет, не подкреплены. Вы дали моей клиентке обещание на словах.

– Отлично! Удовлетворит ли вас ответ, что я не помню подобного разговора и с трудом представляю, о какой женщине идет речь?

– Не удовлетворит, милейшая Алла Сергеевна, ни в коей мере не удовлетворит.

– Обращаю ваше внимание, господин Ростопкий, что наша беседа пишется на диктофон.

– Ну и что с того, что пишется? – рассмеялся Геннадий Эммануилович. – Прошу прощения за смех, но уж больно потешный вид у вас, уважаемая Алла Сергеевна. Думаете, включили диктофон и поймали жучилу адвоката?

– Не надо приписывать мне свои мысли, – сухо сказала Алла. – Сейчас я пытаюсь разобраться в ситуации, которая слишком уж напоминает шантаж. Вам так не кажется?

– Нет, – покачал головой Геннадий Эммануилович, – не кажется. Это не шантаж, а восстановление равновесия и, если хотите, даже справедливости. Лично я принимаю участие в этом деле только потому, что защищаю высшие интересы. Я выступаю посредником между моей клиенткой и вами. В некотором роде готов представлять и ваши интересы, когда буду уверен, что они не пойдут вразрез с интересами моей клиентки. Я никогда не допустил бы, чтобы моя профессиональная репутация была запятнана какими-либо неблагоприятными делами.

– Много слов ни о чем. Выскажитесь, пожалуйста, по существу вопроса.

– Помилуйте, – Ростоцкий развел руками. – Мне кажется, прежде всего, мы должны четко понять друг друга. Мы ни к чему не придем, если вы, Алла Сергеевна, будете подвергать сомнению мотивы моего поведения.

– Пока ваши мотивы мне не ясны. Объяснитесь, пожалуйста, почетче.

– Почетче? – он опустил карандаш в идеально чистую пепельницу и сложил руки на груди. – Тогда слушайте. Достаточно давно, Алла Сергеевна, в вашей жизни произошел один весьма неприятный случай...

Он замолчал, глаза продолжали немигающе смотреть на Аллу. Под его взглядом она почувствовала, как по телу пробежал тревожный холодок.

«Неужели я его боюсь? – подумала она. – А он мастер манипулировать людьми. Ни в коем случае нельзя показать, что я испугана. И чем я испугана? Он еще ничего не сказал!»

– В моей жизни было много случаев, – Алла говорила почти спокойно. – Какой именно вы имеете в виду?

– Это случилось двадцать лет назад. Припоминаете?

– Пока нет.

– Вспомните пустынную платформу... Электричка опоздала... Вы замерзли и пошли на автобус... Припоминаете?

Пронзительно-светлые глаза собеседника разгорались странным серебряным светом. У Аллы похолодела спина.

– Да, – тихо сказала она. – Да...

Губы онемели настолько, что два коротких слова выговорились с трудом, сердце стиснула безжалостная ледяная рука.

– Вы пошли на автобус одна... в темноте...

Как странно светятся его глаза... Он обволакивает меня! Как будто паук. Он похож на паука, который забавляется с мухой, запутавшейся в паутине.

Но она не муха! Она человек и у нее есть воля!

– Я помню. – Алла с силой потерла виски. – Я все прекрасно помню. На меня напали хулиганы. Украли сумку с деньгами и ударили ножом. Только не могу понять, откуда вы узнали эту историю. Впрочем, это никакая не тайна. – Алла уже вполне овладела собой. – Меня нашли прохожие и доставили в больницу. Рана оказалась не опасна. Не понимаю, какое отношение это имеет к нашему разговору.

– Самое прямое. Да, ваша рана была не опасна – но только в больнице. Там, на снегу у платформы, вы истекали кровью. И умерли бы, не помоги вам моя клиентка.

– Ваша клиентка?

– Да, Алла Сергеевна, моя клиентка. Поэтому я и не называл ее имени – вам бы оно ничего не сказало.

Алла облизнула пересохшие губы.

– Там действительно была какая-то женщина. Старуха. Я даже не уверена, что она существовала по-настоящему. Она могла привидеться мне из-за потери крови.

– О, поверьте, *она* существовала. Вы разговаривали с ней. И, более того, дали обещание.

– Нет! – Алла затрясла головой. – Ничего не помню!

– А вы постарайтесь, – голос адвоката звучал вкрадчиво. – Постарайтесь и вспомните. В голове звенели колокола. Алла в отчаянии закрыла глаза.

– Нет. Нет. Не могу.

– Что ж, придется вам помочь, милейшая Алла Сергеевна. Смотрите сюда.

Ростоцкий медленно сблизил узкие и даже на вид горячие ладони, оставив между ними небольшой промежуток. Движения его были плавны и ленивы, словно у кошки. Странная помесь – кошка и паук.

– Смотрите сюда! – приказал адвокат.

Алла попыталась отвернуться, но не смогла. Против воли взглянула в промежуток между ладонями. Там была чернота склепа, в которой она увидела...

...прямо у своих глаз она увидела сухую ветку, торчащую из снега. А рядом чьи-то ноги. Ноги вздымались, как гигантские колонны, которые Алла видела в храме Ваала во время экскурсии в Пальмиру.

Окружающее раздвоилось. Сидя в кожаном кресле в кабинете Геннадия Эммануиловича, Алла смотрела на его руки, и одновременно прижималась щекой к подтаявшему снегу, и смотрела вверх, туда, где в немыслимой высоте темнело лицо.

Нечеловеческое лицо. Покрытое сетью глубоких морщин, будто оно было землей, рас трескавшейся от нестерпимого жара.

Алла моргнула. Потекли слезы, они были единственными каплями влаги в пустыне.

Ростоцкий сблизил ладони, изображение исчезло.

Алла осознала, что сидит в кресле и настолько сильно вцепилась с подлокотники, что кончики пальцев побелели.

– Что это было? – хрипло спросила Алла, усилием воли заставляя пальцы разжаться.

Ростоцкий молчал. Руки его были сложены на груди, лицо непроницаемо.

Алла закашлялась. Достала платок из сумочки и вытерла мокрые щеки.

– Что это было? – повторила она.

– Сожалею, что вынужден был напомнить об этом печальном событии, но вы сами, собственным упрямством, вынудили меня сделать это. Теперь вспомнили?

– Да, – глухо ответила Алла. – Кажется, я действительно пообещала расплатиться за помощь. Сколько я должна?

– Ровно столько, сколько пообещали.

– Тогда я была студенткой и не знала, какие бывают деньги, – Алла криво усмехнулась. – Да и сумма, насколько я помню, не оговаривалась. Сколько ваша клиентка хочет сейчас?

– Ей не нужны деньги.

– Не нужны деньги? А что ей нужно?

– Ваш сын, – просто сказал адвокат.

– Что? – Алла нахмурилась, думая, что ослышалась. – Мой сын?

– Да, ваш сын. Вы обещали отдать его в благодарность за свое спасение. Время расплаты пришло, уважаемая Алла Сергеевна.

– Да вы воображаете, что говорите? – мгновенно расвирипела Алла. – Да вы просто псих! Нет, вы не псих, а гораздо хуже!

Геннадий Эммануилович с жалостью посмотрел ей в лицо, из-за чего на секунду показался более человечным.

– Не тратьте попусту слова, милейшая Алла Сергеевна. Я не должен этого говорить, но все-таки скажу. В жизни случаются моменты, когда приходится отвечать за свои слова. Для вас как раз наступил этот момент. Выполните обещание.

Алла решительно поднялась.

– Думаю, наша встреча закончена, Геннадий Эммануилович.

Адвокат приподнял бровь.

– А я думаю, что нет. Не стоит торопиться, Алла Сергеевна. Зачем вы встали? Присядьте и продолжим разговор.

– Ну уж нет! Разговаривать с вами я больше не буду.

– И даже не спросите, зачем моей клиентке понадобился ваш сын?

– Бред меня мало интересует.

Адвокат сокрушенно покачал головой.

– Ай-йй-йй, как же вы поспешны! Даже суетливы. Перед вами открылась невероятнейшая возможность взглянуть чуть дальше границ, определенных среднему человеку, а вы... Разочарован вами, Алла Сергеевна, искренне разочарован.

Алла повернулась спиной и направилась к двери.

– Так что мне передать моей клиентке?

– Чтобы она катилась к черту! – Алла обернулась.

Углы его рта изогнулись в полуулыбке.

– Это ваше взвешенное решение?

– Вполне.

– Ну что ж, я так и думал.

– Вот и прекрасно!

– Алла Сергеевна, вы забыли диктофон, – заботливо сказал адвокат. – Негоже оставлять в руках противника столь грозное оружие. – На его губах порхала сардоническая усмешка.

Алла вернулась и забрала диктофон.

– Спасибо, – в короткую реплику она постаралась вложить максимум яда.

Она была уже в дверях, когда Ростоцкий произнес:

– И все-таки я не рекомендую торопиться с отказом. У вас в запасе девять дней. Ответ нужен к тридцатому числу сего месяца.

– Полагаю, вы поняли мой ответ, – бросила Алла через плечо.

– Вполне. Тем не менее, не делайте поспешных движений, о которых потом будете сожалеть. Время подумать у вас есть. Мой телефон вы знаете.

– Уверена, что он мне не пригодится, – сказала Алла и захлопнула за собой дверь.

– Воля ваша, – пробормотал Геннадий Эммануилович, оставшись в одиночестве, – воля ваша. Однако уверен, что мы еще вернемся к этому разговору, милейшая Алла Сергеевна.

Адвокат сложил пальцы домиком и глянул сквозь них на карандаш в пепельнице. В ту же секунду карандаш вспыхнул, и через мгновение от него осталась только кучка пепла.

Дверь, обитая дерматином, захлопнулась, и Алла оказалась в длинном пустом коридоре. Ни единого человека, здание словно вымерло.

Алла вытащила из сумки бумажную салфетку, вытерла лоб и руки. Как же в кабинете было жарко! Жарко и душно.

Она ускорила шаги, желая как можно быстрее выбраться на свежий воздух. Рассохшийся паркет жалобно пищал под ногами. Алла прошла еще шагов десять и остановилась. Коридор был безлюдным, с однообразными плотно закрытыми дверями.

Похоже, она пошла не в ту сторону.

Алла повернула обратно.

Пол уже не просто скрипел, а пронзительно трещал, точно снег в сильный мороз. Коридор впереди был по-прежнему бесконечен и пуст – никаких признаков лестницы или лифта. Что за черт? Куда же идти?

За спиной скрипнуло, и Алла быстро оглянулась. Никого.

Ужасно глупая мысль, но ей показалось, что за спиной кто-то стоит. И этот кто-то хочет остаться незамеченным – *пока* незамеченным.

Страх был детским, иррациональным. Но настолько сильным, что свело мышцы на шее – так она напряглась, чтобы случайно не повернуть голову и не встретиться взглядом с тварью, стоявшей за спиной.

Господи, как же отсюда выбраться?

Алла сделала еще несколько шагов, и впереди, метрах в двадцати, увидела выход на лестницу. Это расстояние она скорее пробежала, чем прошла.

Вылетела на лестничную площадку, захлопнула за собой дверь и придержала створки, точно желая удостовериться, что никто не последовал за ней. За дверью пронзительно скрипнула паркетная шашка, и все стихло.

Все! Она победила! Тварь осталась запертой в душном коридоре вместе с психом-адвокатом. Пусть теперь упражняются друг на друге в подсознательных импульсах.

Алла стала спускаться по гулкой прокуренной лестнице. Каблуки звонко щелкали о каменные ступени. Новый звук рождал новую тревогу.

Она спустилась на три пролета и уже не могла видеть дверь, через которую вышла из коридора. А ведь вполне возможно, что та тварь тоже смогла открыть ее. Открыть и выйти на площадку.

Вслед за этой мыслью пришло новая – *безошибочная* – уверенность, что за ней наблюдают. Чьи-то злоеющие хищные глаза бесстрастно и внимательно изучают, ощупывают липким плотоядным взглядом ее тело... и *запоминают*.

Алла застыла на месте.

Ей показалось или по ступенькам действительно что-то прошуршало?

Шорох был еле слышен, но он *был*!

Алла инстинктивно вскинула руки, стараясь защитить сумкой грудь.

Шорох смолк.

Алла прислушивалась так напряженно, что в ушах зазвенело.

Нет, нет, ей показалось! Все тихо.

Алла сделала маленький шагок. Прислушалась. Тихо.

Осмелев, сделала еще несколько шагов и застыла в ужасе. Шорох возобновился!

Только теперь тварь была очень осторожна. Почему – Алла не знала, но что-то мешало чудищу в два прыжка преодолеть оставшееся расстояние и вцепиться в горло. Да, эта тварь всегда кусает за горло, рвет сонную артерию, перегрызает шейные позвонки.

Однако сейчас *что-то* не дает ей *так* сделать. Поэтому она только крадется вдоль стены, выкрашенной синей масляной краской. Выжидает. Ловит момент. Но рано или поздно она осмелеет... прыгнет – и тогда!

Паника усилилась настолько, что Алла стремглав понеслась вниз по лестнице. В голове была только одна мысль: не упасть. Только бы не упасть! Потому что если она упадет, все, конец. Тварь догонит ее.

Очнулась только, когда в живот уперлась железная палка турникета. Она застряла между двумя створками проходной!

Охранник в будке выпучил от изумления глаза. Алла отчаянно замахала рукой – открывай! Вид у нее был настолько безумный, что охранник, не говоря ни слова, нажал на кнопку. Загорелась зеленая стрелка, и Алла выскочила на улицу.

Ярко светило солнце.

Алла стояла на крыльце и чувствовала себя очнувшейся от внезапного кошмара. Тяжело дыша, на негнувшихся ногах доковыляла до стоянки, трясущимися руками открыла машину и села за руль. Чтобы успокоиться, сделала несколько глубоких вдохов.

В голове немного прояснилось. Однако спина по-прежнему была липкой от пота, и внутри все подрагивало. Нужно взять себя в руки.

Это был всего лишь кошмар. Сон. Неправда.

Но неужели она могла заснуть? В чужом кабинете, в разгар дня?

Алла потрясла головой. Бред какой-то!

Нет, нет, не надо на этом заикливаться. Случившееся имеет какое-то объяснение – *должно* иметь! И оно обязательно найдется. Просто она устала. У нее просто расшатались нервы.

Алла перевела дух. Поправила волосы. Потом нащупала цепочку и перевернула сбившийся медальон.

Все это ерунда, уговаривала она себя. Минутное помрачение сознания. Всего лишь заурядный шантажист. И не очень умный к тому же. Надо как можно скорее забыть всю эту историю. А если и вспоминать, то только в хорошей компании, чтобы посмеяться. Рассказ из серии «Как меня шантажировали».

Ну вот, она почти успокоилась. Пора ехать в офис.

Алла собралась, было, кинуть сумку на заднее сиденье, и страх опять сковал ее. Шея окаменела, а рука так и застыла на полпути с зажатой сумочкой.

На заднем сидении кто-то был.

Мертвец! Там был мертвец!

Она даже почуяла его запах. Она никогда не ощущала трупного запаха, но та вонь, что была в салоне, могла исходить только от трупа.

Что делать? Как на *это* посмотреть?

Алла сама не поняла, как все-таки ей удалось повернуть голову и не сломать при этом одеревеневшую шею.

На заднем сидении никого не было. Там валялась только любимая подушечка, веселая, голубая, с оранжевыми подсолнухами.

Алла смотрела на нее дикими глазами и была готова поклясться, что секунду назад была в машине не одна. Был еще *кто-то*.

Что происходит? Она сходит с ума?

Алла перегнулась и взяла подушку. Потрясла, понюхала: легкий запах порошка от последней стирки.

Алла швырнула подушку обратно, резко повернула ключ зажигания.

Когда выруливала со стоянки, поймала себя на том, что все еще принимает. Что за бред?

Она опустила стекло. Влетевший ветерок охладил лицо и шею. Вот и отлично! Никакого запаха!

Алла включила радио. Чем дальше отъезжала от страшного дома, тем легче становилось на душе.

В самом деле, чего она испугалась? Адвокат – явный псих. Она уже не помнила и половины того, что он нес. Психически неуравновешенный шантажист. Так она и попалась на его удочку! Против неадекватно настроенных людей есть хорошее средство – предусмотрительность.

Алла почти машинально повернула руль влево – от остановки отъезжал автобус, водитель которого даже не обращал внимания на такие мелочи, как едущие рядом машины. Вот

еще одно свидетельство правильности ее рассуждений. В жизни, как и на дороге, надо быть предусмотрительной. Такой вот маленький секрет. Кто знает его, тот живет долго и спокойно.

На светофоре образовалась небольшая очередь машин. Пользуясь моментом, Алла достала телефон.

– Артем, ты?

– А ты кому звонила, мам? – произнес любимый голос.

– Как твои дела? – спросила она, стараясь говорить беспечно.

– Отлично, а что?

– Где ты сейчас?

Зажегся зеленый, Алла, придерживая трубку плечом, стала поворачивать.

– Где я могу быть? – удивился Артем. – Ясен пень, в универе.

– А вернешься когда?

– Мам, ну я же сказал, что не поздно! А что?

– Да так, ничего, думаю, успею ли я приготовить ужин к твоему приходу.

– А-а... Мам, ты извини, я больше не могу разговаривать.

– Все, пока, я сама за рулем. Целую!

Все было в порядке. Алла готова была посмеяться над собой. Испугалась, как ребенок.

Ну и зараза же этот Геннадий Эммануилович! Гипнотизер хренов. Шантажист. Тоже мне, нашел жертву для опытов!

Когда она подъехала к офису, запах, если он вообще был, этот запах, исчез. Несомненно, все происшедшее было всего лишь галлюцинацией.

В офисе Алла почувствовала себя гораздо уверенней.

Работа значила в ее жизни многое, если не все. Хотя нет, конечно, не все – был еще Артем. Она и работала-то исключительно для сына.

Алла вошла в свой кабинет, села в кресло. Включила компьютер, провела рукой по пачке бумаг, которые секретарша принесла на подпись. Пережитый страх казался нереальным, точно ночной кошмар. Только тело еще чувствовало слабость, было ватным, и плечи ломило, как от гриппа. Алла вытянула из сумочки обезболивающую таблетку и проглотила, не запивая. Потом подтянула к себе документы, стала просматривать, однако мысли то и дело возвращались к утренней встрече.

А вдруг все-таки за этим адвокатом кто-то стоит? Станный какой-то наезд. Только непонятно, кому это надо? И что надо? Денег? Или... *Не* денег? Алла вздрогнула.

Нет, нет, конечно, им нужны деньги, а что же еще? Все остальное бред. Полный бред.

Алла нажала кнопку, вызывая секретаршу.

– Подписали, Алла Сергеевна?

– Да, сейчас отдам, – Алла зашуршала листами. – Кто-нибудь звонил?

– С производства звонили. Опять у них что-то не складывается.

Алла недовольно поморщилась.

– А вы, Алла Сергеевна, в банке были?

– Нет, у адвоката. Минут через сорок пригласи Олега со всей командой. Будем совещаться.

– Хорошо, – секретарша забрала документы. – Только это еще не все. Я сейчас договора принесу, их тоже надо подписать.

– Потом, – отмахнулась Алла. – И откуда у нас столько писанины?

– Работаем хорошо, Алла Сергеевна, вот и договоров много.

– Ну и хорошо, что хорошо. И не забудь про совещание.

Секретарша ушла, Алла погрузилась в работу.

Рекламное агентство, принадлежавшее ей и Ирине, было небольшим, но успешным. В основном это была ее заслуга, и она не собиралась сдавать завоеванные рубежи. Бизнес требовал собранности, поэтому долой посторонние переживания. Алла всегда гордилась своим умением управлять чувствами.

В положенное время в кабинет гуськом зашли Олег, Татьяна и Илья. Совещание началось.

А потом случилось страшное.

Алла запомнила время: семнадцать пятнадцать.

Длинная стрелка настенных часов вздрогнула на цифре «3», дверь открылась, на пороге появилась секретарша.

– Алла Сергеевна, извините, ради бога, но бухгалтерия просит срочно подписать договора. У них платежи.

– О кей, – Алла кивнула. – Прервемся ненадолго.

– Я курить, – Илья, не дожидаясь разрешения, поднялся.

Олег дернулся следом, но поймав директорский взгляд, остался за столом. Татьяна с досадой зашуршала страницами ежедневника.

Алла принялась подписывать документы. В этот момент зазвонил мобильный.

Алла, не прерываясь, прижала телефон к уху плечом.

– Аллю! – В трубке так трещало, что Алла не могла разобрать ни слова. – Аллю, кто это?

Секретарша забрала подписанные бумаги и подсунула новые. Алла заметила на первом листе опечатку и ткнула пальцем.

– Что это?

Секретарша сконфуженно выдернула лист.

– Я сейчас переделаю.

Алла вздохнула и задержалась взглядом на следующем листе. Телефон мешал сосредоточиться, поэтому она сказала:

– Аллю, вас не слышно, перезвоните.

Хотела отключиться, но вдруг все посторонние звуки разом пропали, и раздался голос:

– Мама! Мама, это я!

– Артем? – удивленно спросила она. – Это ты?

– Да, ма, это я.

В трубке снова затрещало.

– Артем, ты где? Почему так плохо слышно?

– Мам, я попал в аварию. У меня нет денег на мобильном, положи, пожалуйста.

Алла резко встала. Пачки договоров свалились на пол. Секретарша отпрянула, а Татьяна с Олегом застыли, во все глаза глядя на директора.

– Какая авария? Что с тобой? – В трубке продолжало трещать, она не различала ни единого слова. – Артем, что с тобой? Ты где? – изо всех сил закричала Алла.

Голос ее был страшен. Олег втянул голову, а Татьяна, ахнув, зажала рот рукой.

– Мам, со мной все нормально. Просто здесь связь плохая. А телефон я взял у мужика... – Голос звучал глухо и едва пробивался сквозь помехи.

– Какого мужика?

– У соседа по палате. Мам, я тебя прошу...

Связь оборвалась окончательно.

Алла отвела телефон от уха и оторопело посмотрела на дисплей, с которого подмигивала кошачья морда.

– Артем попал в аварию, – медленно сообщила она.

Секретарша громко охнула.

– Но ведь он жив! – воскликнула Татьяна.

– Да, жив, – медленно, точно не веря, подтвердила Алла.

Олег кашлянул.

– Может, это разводка? – осторожно предположил он.

– Разводка? – непонимающе переспросила Алла.

– Да, да, это обычная разводка, – энергично поддержала Татьяна. – Так всегда делают.

Они же просили положить денег?

– Кто «они»? Это Артем звонил!

– Вы в этом точно уверены?

– А ты думаешь, что я не узнаю голос собственного сына?

– Ну, тогда я не знаю, – стушевался Олег, а Татьяна предложила:

– А вы позвоните сыну на мобильный. Сразу все узнаете. Может, это розыгрыш.

– Но Тёмка сказал, что у него нет денег.

– Алла Сергеевна! – воскликнула Татьяна. – Входящие бесплатно! Звоните.

– Ах да, – Алла потеряла висок. – Что-то у меня голова отключилась.

Алле показалось, что гудки шли вечно. Наконец услышала знакомый голос.

– Алло, мамуль! Хорошо, что ты позвонила. Ты только не волнуйся. Со мной все в порядке. Просто меня забрали в больницу.

– Тёмочка, сынок, какая больница?

– Склиф, но ты не волнуйся.

– Я сейчас же приеду!

Алла схватила сумку и выскочила из кабинета.

– Мам, ну что ты в самом деле? – Артем смущенно вывернулся из-под ее руки. – Я же не маленький, в конце концов!

– Да, да, конечно, извини, – рассеянно ответила Алла, не слушая. – Плечо болит, да? Перелома нет? – Она сидела на краешке больничной кровати и гладила сына – по волосам, плечам, рукам. – Голова кружится?

– Нет у меня перелома, – отмахнулся Артем. – Врач сказал, легко отделался. И ходить могу.

Он приподнялся с подушки.

– Не вставай! – перепугалась Алла. – Вдруг у тебя сотрясение?

– Да нет у меня сотрясения, ну сколько тебе раз говорить? Ну, честное слово, мамуль, со мной все хорошо!

– Да уж, парню повезло, – раздался голос с соседней койки. – А водилу этого надо бы достать. Обязательно найти и под суд. Слышите, гражданка?

Алла обернулась. На соседней кровати, свесив ноги, сидел мужчина неопределенного возраста и быстро-быстро вращал грани кубика Рубика.

– Что вы сказали?

– Сказал, что заявление в милицию надо подавать, вот что, – сказал мужчина, разноцветные грани так и мелькали под его пальцами. – Парень-то ваш дорогу переходил, как полагается, на зеленый свет. А тот хорек вылетел на красный. Сбил и не остановился. Это, гражданка, как минимум, лишение прав. А то и до пяти лет. И адвокат не поможет.

При слове «адвокат» Алла вздрогнула.

– Спасибо за совет, я подумаю. Давай, Тёмкин, вставай потихонечку, поедem домой.

– Вряд ли его отпустят сегодня, – подал голос сосед.

– Это еще почему? – удивилась Алла.

– Правила такие. Завтра лечащий врач посмотрит, тогда и скажут, сколько ему лежать. Может, у него сотрясение. – Мужчина крутанул еще пару раз и, довольный, положил собранный кубик на тумбочку.

– Да нет у меня никакого сотрясения, – запротестовал Артем. – Чего мне тут лежать?

– погоди, сейчас я во всем разберусь, – пообещала Алла и вышла в коридор.

Она долго блуждала от одного сестринского поста к другому, потом безуспешно стучала в закрытую дверь ординаторской, и не выдержав напряжения сегодняшнего дня, накричала на палатную медсестру, которая, наконец-то, вызвала дежурного врача.

– Ничем не могу помочь, – сказал тот. – Ваш сын доставлен после наезда автомобиля с подозрением на черепно-мозговую травму. Таких больных мы родственникам не выдаем.

– Что значит «не выдаем»? – возмутилась Алла. – Он что, посылка, что ли?

Врач почесал подбородок.

– К сожалению, ничем не могу помочь. Ждите лечащего врача.

– Меня зовут Алла Сергеевна, – представилась Алла.

– Что? – не понял врач.

– Меня зовут Алла Сергеевна. А вас?

– Андрей Евгеньевич.

– Очень приятно, Андрей Евгеньевич.

– Взаимно, – буркнул врач и повернулся, желая уйти.

– Минуточку, – Алла удержала его за рукав халата. – Андрей Евгеньевич, вы действительно считаете состояние моего сына опасным?

– Не считаю. – Врач аккуратно высвободил рукав. – Состояние у него удовлетворительное. Вашему сыну повезло. Как правило, наезд на такой скорости ведет к более плачевным последствиям. А у вашего сына фактически одни ссадины.

– Тогда почему же я не могу забрать его домой? Ведь состояние удовлетворительное, вы это подтвердили.

– Потому что его должен посмотреть лечащий врач.

– А когда он посмотрит?

– Завтра на обходе, примерно в десять часов. Если скажет, что с вашим сыном все хорошо, его выпишут.

– А с Артемом может быть не хорошо?

– Гражданка... то есть Алла Петровна, я же сказал – с ним все хорошо.

– Так зачем ему здесь ночевать? Давайте как-то решим этот вопрос.

Врач впервые взглянул на Аллу с интересом.

– И как же вы собираетесь решать этот вопрос?

– Думаю, что с вашей помощью. Объясните мне, как это делается.

– Понятия не имею.

– Я, в общем-то, тоже. Давайте я напишу расписку.

– Расписку о чем?

– О том, что забираю сына домой и претензий к вам предъявлять не буду, – с раздражением произнесла Алла.

– Пишите, – разрешил врач.

– Диктуйте.

Алла отдала расписку, и пока врач рассматривал ее, достала из сумки сто долларов.

– Ко мне еще вопросы есть? – спросила она, протягивая врачу деньги.

Тот засунул купюры в карман халата и смущенно пробормотал:

– Сейчас вам отдадут одежду сына. Но завтра все-таки покажите его невропатологу. Сотрясения не проходят бесследно.

Через пятнадцать минут Алла вернулась в палату с пакетом в руках.

Она смотрела, как Артем натягивает джинсы, порванные на колене, и теребила в руках куртку с оторванным рукавом. Господи, бедный мальчик! Если так разорваны вещи, какие же раны у него на теле?

– Мам, ну чего ты? – спросил Артем, смущаясь под пристальным взглядом.

– Ничего, – Алла заморгала, желая справиться со слезами. – Ты, наверное, весь поцарапанный.

– Вовсе нет! – радостно воскликнул Артем. – Только локоть разбил и все, представляешь?

– Он, наверное, в рубашке родился, – сказал сосед по палате. – Говорят, после удара парень отлетел метра на три. И смотрите, практически никаких ран. А одежда в клочья. Это же просто чудо!

– Да, да, – торопливо согласилась Алла, – это действительно чудо. Спасибо вам за участие, мы пойдем.

Ей не хотелось задерживаться в больничной палате, думать о том, что могло было быть, если...

– Видимо, кто-то за него хорошо молился, – продолжил сосед, разглядывая собранный кубик так, точно ему было жаль разбирать его.

– Что? – замерла Алла.

– В таких случаях говорят, за человека кто-то молился, – отозвался сосед и, вздохнув, быстро, в пару движений, раскрутил кубик. – Покровитель есть у парня, вы, мамаша, имейте в виду. – Пальцы замелькали, вновь упорядочивая грани. – А в милицию все-таки заявление подайте. Земной суд тоже не помешает.

– Да, да, – Алла сгребла с тумбочки бумажки. – Спасибо вам за все. Тёмкин, пойдем.

Дома Алла насильно уложила сына в постель. Тот сначала протестовал, но усталость и напряжение взяли свое, и Артем согласился лечь.

Алла отправилась на кухню, чтобы внимательно прочесть выписку из больницы.

Когда вернулась в комнату сына, Артем уже спал. Свет не горел, а телевизор, хоть и без звука, но работал. Шла запись какого-то рок-концерта. Длинноволосый солист сгибался пополам, прижимая к коленям ярко-красную гитару. В этот момент копна волос падала ему почти на ботинки, а когда певец распрямлялся и вскидывал руку вверх, гитара подпрыгивала и била по животу. Камера металась, показывая то солиста, то беснующийся зал, то ударника негра, который самозабвенно лупил по сияющей установке, и на его бритой голове блестели капли пота. Без звука действо производило странное впечатление.

Алла отыскала в складках одеяла пульт и выключила телевизор. Потом присела на кресло около дивана. Балконная дверь по случаю теплого вечера была открыта, занавеска раздувалась, как парус. Из коридора проникал свет, и Алла ясно видела сына.

Он лежал на спине, лицо было спокойно. Желая потрогать лоб, Алла протянула руку и отдернула, боясь разбудить.

Господи, какие же у него длинные ресницы! Она улыбнулась, вспомнив, как в далеком детстве Артем, стесняясь своих длинных – девчачьих! – ресниц, пытался их обстричь. И ведь обстриг, паршивец! Так и ходил несколько месяцев практически без ресниц.

Сердце сжалось от тревоги. Вспомнилась его болезнь, долгое лежание в больнице, еще более долгое пребывание в санатории. Она словно наяву увидела сына, худого, слишком быстро

вытянувшегося мальчика, в больничном окне третьего этажа. Артем в какой-то немыслимой пижаме поднимает тонкую руку и машет. А она стоит на улице, запрокинув голову так, что сваливается шапка, и видит, как шевелятся губы сына за толстым стеклом. Он что-то говорит, возможно, просит о чем-то, а она не слышит!

Алла закусила губу, чтобы не разреветься.

Зазвонил телефон. Алла быстро, чтобы звонки не потревожили Артема, схватила трубку и шепотом спросила:

– Да?

– Алка, ты? Что с Артемом?

Ирина. Голос взволнованный.

– Все нормально, – по-прежнему шепотом сказала Алла.

– А тон почему такой? Ты вообще где? Где Артем?

– Да дома мы, дома. – Алла вышла на кухню, прикрыла дверь и тогда заговорила в полный голос. – Только что приехали из больницы. Темка заснул, я боялась разбудить.

– Ну слава богу! – облегченно выдохнула Ирина. – А то я перепугалась.

Волнение в голосе подруги было неподдельным, у Аллы потеплело на душе.

– А ты откуда узнала про Темку?

– Эта твоя позвонила... толстая такая... Татьяна!

– Татьяна? – удивилась Алла. – С чего это она вздумала тебе звонить?

– Да черт их разберет, чего они делают! Я даже не вникаю. Главное, что узнала про тебя. Сама бы ты не позвонила, я знаю.

– Да я совсем голову потеряла со страха.

– А что случилось? Какая авария? Он был за рулем?

– Да нет, переходил улицу, причем на зеленый и по зебре, все, как положено. Тут вылетела машина, на скорости – свидетели говорят, неслась, как сумасшедшая. Артемка от удара отлетел на три метра на тротуар.

– Да ты что? – ахнула Ирина. – Что с ним? Переломы?

– В том-то вся и штука, что нет. Ни одного перелома.

– Фух, слава богу! Он, видать, у тебя в рубашке родился.

– Похоже на то, – согласилась Алла. – Представляешь, рукав куртки оторван напрочь, а рука цела! На локте только синяк.

– Фантастика! И сотрясения нет?

– Вроде бы нет. Но врач сказал, надо показаться невропатологу.

– У меня есть контакт. Отличный дядька, я скину телефон.

У Ирины всегда наготове контакты – от педикюрши до министра.

– Спасибо, скинь обязательно. В общем, забрала я Темку из больницы, – продолжила рассказ Алла. – Мне сказали, что обязательно надо заводить уголовное дело и искать водителя.

– Так водитель еще и удрал?

– Ну да! Даже не притормозил.

– Во гад! Бывают же такие! – возмутилась Ирина.

– Наверное, нужен будет... – Алла запнулась, – адвокат?

– Адвокат никогда не помешает. Но, по-моему, дело бесперспективное. Ну, пойдешь ты в милицию, напишешь заявление. Все равно не найдут. Только нервы помутят. Или ты хочешь отомстить?

– Отомстить? – удивилась Алла. – Не знаю, – сказала она, немного подумав, – вряд ли.

– Ты сейчас ничего не бери в голову, – посоветовала подруга. – Лучше ляг, отдохни. Или ванну прими. С пеной. А завтра, на свежую голову, все само придумается.

– Ты знаешь, – решила Алла, – у меня сегодня такой странный разговор был... С одним мужиком.

- Что за разговор? – насторожилась Ирина.
- Очень странный. Этот тип уверяет меня, что я ему должна, и требует вернуть долг.
- Долг? Ты что, занимала у него?
- В том-то и дело, что нет!
- Ничего не понимаю. Давай все по порядку.

И Алла рассказала по порядку, правда, несколько исказив события. По ее словам выходило, что звонил неизвестный и требовал вернуть долг, о котором она понятия не имела. Про старуху и требование отдать сына не стала даже заикаться.

– И буквально через несколько часов Артема сбила машина, – закончила она. – Теперь не знаю, что и думать.

– Ерунда. Совпадение! – безапелляционно сказала Ирина. – Хотя звонившего я бы проверила. Ты телефон его сохранила?

– Найду, если нужно, – уклончиво ответила Алла.

– Это хорошо, – тон Ирины стал деловым и жестким. – Думаю, тебе понадобится еще один человек. Сейчас сброшу его координаты.

– Что за человек?

– Да не волнуйся, он классный мужик. Даже симпатичный.

– Дежурный бандит, что ли?

Ирина рассмеялась.

– Ну почему сразу – бандит? Просто человек, который помогает решать проблемы.

– Ты думаешь, он поможет решить мои, – Алла голосом выделила слово «мои», – проблемы?

– Думаю, что да. Короче, давай отдыхай, а я поищу номер телефона.

– И невропатолога, – напомнила Алла.

– И его тоже. Чао! – и Ирина отключилась.

Алла положила трубку на стол.

Невропатолог – это хорошо. Это полезно. А бандит? В некоторых случаях тоже. Но вот сейчас? Она не рассказала подруге всей правды и сделала это намеренно. Как такое расскажешь?

Впрочем, сейчас самое главное – Артем.

Алла заглянула в комнату сына. Картина не изменилась. Артем спал, занавеска продолжала мерно колыхаться у открытого балкона.

Черт с ним, с водителем, не будет она затевать никакого дела. И обязательно поедут к невропатологу. Главное, чтобы Темка был здоров. А водитель-хорек пусть живет, пока не столкнется со своим последним столбом.

Зазвонил телефон. Похоже, Ирина уже нашла телефоны невропатолога и полезного бандита.

– Алло!

– Добрый вечер, Алла Сергеевна.

Алла посмотрела на дисплей: незнакомый номер.

– Кто это?

– Право же, у вас совершенно девичья память.

– Кто это? – раздраженно повторила Алла.

– Это Геннадий Эммануилович. Я имел честь встречаться с вами сегодня утром. Неужели вы забыли?

Адвокат. Монстр в пустом коридоре. Запах трупа в машине. Горло перехватил спазм.

– Что же вы молчите, милейшая Алла Сергеевна?

– Что вам от меня нужно? – спросила Алла хриплым голосом.

В трубке раздался мерзкий смешок – как будто таракан скребся в спичечном коробке. Алла даже отстранила трубку, точно боялась, что таракан переползет к ней в ухо.

– Продолжить наш в высшей степени интересный и полезный разговор. У меня создалось впечатление, что вы не до конца осознали важность моих слов. Кхе-кхе... Не будьте такой легкомысленной, Алла Сергеевна. По-дружески остерегаю вас.

– Мне не нужна ваша дружба, – перебила Алла.

– А вот в этом позвольте усомниться. Скоро вы поймете, что не стоит пренебрегать моим расположением. Как Артем? – собеседник неожиданно сменил тему. – Уснул? Бедный мальчик, такое потрясение.

– Что-о?

– Вы же помните, что сказал врач? Сотрясение коварная штука, не забудьте показаться невропатологу. У Ирины неплохие контакты, воспользуйтесь ими.

– Откуда вы знаете про...

– Я не только знаю, я еще *уполномочен* предупредить, чтобы вы обратили особое внимание на свершившийся факт. Это первое предупреждение.

Голос выползал из трубки, словно змея. Выползал и обвивал кольцами, из которых не выбраться.

– Что вам нужно?

– Мне нужно решить проблему моей клиентки. Она ждет выполнения обещания. Ваш сын...

– Да я вас по стенке размажу! – в бешенстве закричала Алла, уже не заботясь, что крик разбудит сына. – Просто по стенке! Вы еще не знаете моих связей!

В трубке раздался смех.

– Это вы, Алла Сергеевна, не представляете наших возможностей. Не стоит упорствовать, право, не стоит. Вы ведь обещали...

– Да подите вы к черту! Я записываю наш разговор на диктофон. Я подам в суд, и вас засудят, слышите, адвокат?

– Насчет диктофона вы врете, – продолжал хихикать собеседник. – Но я вас прощаю, в конце концов, вы мать. И заклинаю, не причиняйте сыну вреда больше, чем того требуется.

– Да я... да я вас... – задохнулась Алла.

– Всего доброго, Алла Сергеевна, подумайте еще, время есть – перебил Ростоцкий и отключился.

Ярость бурлила, как кипяток в кастрюле. Дрожащими от гнева пальцами Алла нажимала кнопки, сохраняя номер телефона этого адвокатишки. Еще вздумал пугать ее, недоумок!

– Я тебе покажу! – злобно бормотала она, – Ты у меня узнаешь!

Чтобы успокоиться, достала аптечку и вытащила упаковку персена. Подумав, выдавила две таблетки и проглотила. Во рту остался неприятный валерьяновый привкус.

Она вернулась к сыну. Артем по-прежнему спал. Уже не худой мальчик в больничном окне, а рослый и красивый юноша. Почти мужчина.

Против воли в голову полезли тревожные мысли. Алла отгоняла их, но они проникали в сознание, как ядовитый дым. Сегодняшний вечер мог кончиться совсем по-другому. Перед глазами возникла пугающая картина.

Оцинкованный стол и груды заскорузлой от крови одежды. Яркая лампа над столом и вокруг стола стоки для... слива крови? Откуда она это взяла?

Алла вскрикнула от внезапной боли в груди и зажала рот рукой.

Спокойно. Спокойно. Спокойно!

Дыши. Дыши ровно. Не хватало еще свалиться с каким-нибудь инфарктом или инсультом.

Все хорошо. Все уже кончилось.

Белая занавеска вздулась от порыва весеннего ветра, словно кто-то хотел проникнуть в комнату. Алла быстро захлопнула балконную дверь и оглянулась: не разбудил ли Артема стук? И... не осталось ли *это* в комнате?

Нет!

Она в страхе наклонилась над кроватью. Лицо сына было спокойным, улыбка блуждала по губам.

Мой мальчик... сын...

Не дам в обиду. И пусть только попробуют! Они меня еще не знают!

Потом Алла долго сидела на кухне и курила, глядя, как завиваются струйки дыма и улетают под вытяжку.

23 апреля, среда

Проснулась с больной головой. С трудом поднялась с постели, с трудом добрела до кухни. Таблетка анальгина и две чашки кофе отчасти помогли.

На кухню вышел Артем, растрепанный, протирая заспанные глаза.

– Ты зачем встал? – обеспокоенно спросила Алла.

– Да что я больной, что ли? Уже все прошло, отлично себя чувствую.

– Голова не кружится?

– Ну что я, ребенок? У меня все прекрасно. Есть хочу.

– Садись, я сделаю бутерброд. Или яичницу пожарить?

– Не надо яичницы, давай бутеров побольше.

Алла стала готовить бутерброды, а Артем их поедать.

– Мам, – спросил он с набитым ртом, – ты сейчас на работу поедешь?

– Вообще-то, собиралась.

– А вернешься когда?

– А почему это тебя интересует?

– Ну, так просто... – замялся Артем. – Ладно, не важно.

– Нет уж, сын, давай говори, в чем дело.

– Просто Даша собиралась приехать, – пробормотал он, старательно пряча глаза.

– И что?

– Ничего. Она переволновалась вчера.

Алла почувствовала мгновенную, как ожог, вспышку ревности. Она, видите ли, переволновалась! А я?

Рука задрожала, и Алла поставила чашку на стол. Возмущение готово было прорваться ядовитыми словами, однако она взяла себя в руки и намеренно беспечным тоном спросила:

– Это ты намекаешь, чтобы мать куда-нибудь смылась и оставила вас одних?

Щеки Артема залились краской.

– Да я вовсе не то имел в виду.

– Ладно, ладно, не смущайся. Я все понимаю. И у меня действительно куча дел.

– Какая куча?

– Большая, – Алла допила кофе и встала. – Тебя же интересует, как долго я буду отсутствовать?

Артем смешался окончательно.

«Какой же он еще все-таки мальчик! – подумала Алла. И какой славный мальчик!»

– Все в порядке! – она потрепала его волосы. – Квартира в вашем распоряжении на целый день. Я допоздна буду сидеть в офисе. Клиент заказал разработать концепцию продвижения торговой марки.

– Ух ты, круто!

- Пока не очень, – сказала Алла уже из коридора, – все еще в проекте.
- Но ты точно справишься!
- Постараюсь.

Алла брызнулась духами, взяла сумочку и, по-прежнему сохраняя беспечный вид, вышла из квартиры.

В машине вытащила сигареты. Виски ломило, а сердце точила ревнивая злоба.

Хочет трахаться с этой своей Дашкой. Которая вчера – скажите на милость! – *не-ре-вол-но-ва-лась*. Утю-тю-тю!

После пары затяжек Алла немного успокоилась. Выбросила окурочек в окно, включила радио.

- Ты не печалься и не прощайся, все хорошо у нас с тобой, – пело радио «Ретро».

Алла выехала со стоянки, а вскоре поймала себя на том, что подпевает немудреной песенке.

- Ты не печалься и не прощайся, а выходи меня встречать.

Что ж, в конце концов, и она, как манна небесной, ждала отлучки родителей. Молодость! С годами только понимаешь, что к чему. Хотя... лучше бы не понимать.

Ни в какой офис, разумеется, она не поедет. К черту чужие торговые марки! Нужно разобратся с собственной жизнью. И обязательно подать заявление в милицию.

Районное отделение находилось на соседней улице. Алла припарковала машину около двухэтажного здания из серого кирпича, поднялась по разбитым ступеням и вошла в холл. Куда теперь? Она знала, где оформляют паспорта, но вот где подают заявление?

Алла направилась к застекленной комнате у входа и наклонилась к окошку. Дежурный с другой стороны стекла был занят кроссвордом.

- Добрый день.

Милиционер даже не поднял головы.

- Добрый день, – повторила Алла погромче.

Дежурный мотнул головой, что, видимо, должно было служить ответом на приветствие.

- Я хочу подать заявление, – сказала Алла как можно решительней.

- Что случилось? – он наконец-то поднял глаза и скучающе посмотрел на нее.

- Меня шантажируют.

Лицо за стеклом было плоским и невыразительным.

- Кто? – спросил он после небольшой паузы.

– Я не знаю, кто именно. Требуют вернуть какой-то долг. А если не верну, угрожают похитить моего сына.

Алла думала, что ее слова произведут эффект разорвавшейся бомбы. Все забегают, засуетятся, станут снимать показания или что они еще делают. Потом было смешно вспоминать, но в тот момент Алла искренно верила, что в милиции ей помогут. Должны помочь.

Однако милиционер не шевельнулся и продолжал смотреть безразличным взглядом.

- Что я должна теперь делать? – не выдержала молчания Алла.

- Все зависит от того, что произошло. А что, собственно, произошло?

– Я же говорю, мне угрожают! Вчера позвонили и сказали, что если я не верну долг, у меня заберут сына. Похитят.

- Так похитили или только собираются? – скучным голосом спросили из-за стекла.

- Собираются.

Дежурный пожевал губами.

- Сколько лет вашему сыну?

– Почти двадцать.
– Значит, взрослый.
– Ну да!
– Сын ваш взрослый, – повторил милиционер. – Вы точно уверены в серьезности намерений похитителей?
– Как это? – оторопела Алла.
– Очень просто. Вы уверены, что угрозы обоснованы? Вы ведь даже не знаете, кто вам угрожает. И потом, угрожают – не значит, что похитят.
– Значит, вы поверите в серьезность намерений, только когда они похитят, так?
Дежурный вздохнул.
– Как я понял, пока у вас нет никаких серьезных доказательств?
– Какие именно доказательства имеются в виду?
– Те, которые подтверждают реальность угрозы. Например, аудио- или видеозаписи. Или письма. Или свидетельские показания. Ну и прочее. Вы располагаете такими доказательствами?
– Какие же могут быть свидетели? – спросила Алла. – Они звонили мне на мобильный.
– Плохо, – последовал ответ.
– Конечно, плохо, – согласилась Алла. – Я очень испугалась.
– Плохо, гражданка, что у вас нет свидетелей. Как вы докажете реальность угрозы? Несколько секунд они смотрели друг на друга.
– Значит, вы отказываетесь брать у меня заявление? – злобно спросила Алла.
– Ну почему же, сразу отказываюсь? – Голос дежурного поскущнел еще больше. – Если хотите, пишите заявление. Пишите, бумага все стерпит.
– Что писать? Диктуйте!
Алла достала из сумочки ежедневник и ручку.
Мерным, заученным тоном милиционер стал диктовать. Свои слова он сопровождал постукиванием карандаша по стеклу, покрывающему стол.
– Пишите заявление на имя начальника подразделения с заполнением бланка объяснения и приложением имеющихся доказательств, то бишь, аудио- и видеозаписей, писем, свидетельских показаний. Если таковых не имеется, пишите: «Доказательств нет».
– Что-о?
Дежурный спокойно выдержал взгляд Аллы, полный бешенства.
– Так и пишите: «Доказательств не имею». Я приму заявление, потом вас известят о его дальнейшей судьбе.
– То есть вы меня попросту посылаете? – Алла захлопнула ежедневник.
– А вот истерик, гражданка, не устраивайте. Никто вас никуда не посылает. Я вам русским языком сказал: пишите. Разберемся.
Они снова смотрели друг другу в глаза – она с раздражением, он – по-прежнему невозмутимо.
Алла резко развернулась и вышла, с силой хлопнув дверью. Дежурный пожал плечами и снова уткнулся в кроссворд.

В бешенстве Алла села в машину и резко вырулила с парковки. Проехав сотню метров, остановилась.

Что же делать? Кто ей поможет?

Алла заглушила мотор и выключила радио, которое на этот раз пело про клен над речной волной.

Надо взять себя в руки и спокойно все обдумать.

Итак, что мы имеем?

Ирина обещала скинуть номер телефона полезного бандита. Где же он? Алла покопалась в телефоне. Ага, вот и нужная смска. Алла открыла файл. Номер телефона и пояснение «Виктор». Просто Виктор. Типа, Бонд. Джеймс Бонд. Ну и черт с ним! Виктор так Виктор. Посмотрим, что за тип.

Алла набрала номер.

– Здравствуйте, могу услышать Виктора? – спросила Алла, когда на том конце подняли трубку.

– Это я и есть, – ответил собеседник.

– Еще раз добрый день. Меня зовут Алла Сергеевна. Ваш телефон мне дала Ирина Владимировна Чернышева. Знаете такую?

– Ирину Чернышеву знаю. О том, что она Владимировна, узнал только сейчас, но я склонен вам верить, – в голосе звучала едва уловимая ирония.

– Благодарю за доверие, прямо камень с души свалился. У вас есть время говорить?

– В общем, да. Вы по какому вопросу?

На мгновение Алла запнулась. Действительно, а какой у нее вопрос? Алла постаралась ответить как можно быстрее, чтобы собеседник не уловил замешательства.

– Ирина сказала, что вы можете мне помочь.

– Смотря в чем. Пока не представляю, кто вы, и, соответственно, какая помощь может потребоваться.

– Да, да, конечно, я все объясню. Но это не совсем телефонный разговор. Не могли бы мы встретиться?

– Прямо сейчас?

– Да, если нетрудно.

– О кей, подъезжайте в ресторанчик «Пес и Конь». Это на Таганке, знаете?

– Найду.

– Ну и отлично. Когда вы сможете подъехать?

– С учетом пробок минут через тридцать буду.

– Ну тогда до встречи!

Алла доехала быстрее, чем обещала. Остановила машину под вывеской, на которой скаковая лошадь с лиловыми глазами косилась на поджарую борзую, бело-рыжую, с крупными кольцами шерсти по бокам.

Глядя в зеркальце заднего вида, Алла причесалась, подкрасила губы и стала рассматривать прохожих, стараясь определить, который из них ожидаемый Джеймс Бонд. Улица оказалась оживленной, люди сновали туда-сюда. Среди прохожих попадались мужчины, похожие на бандитов, но никто не заходил в солидную дубовую дверь.

Наконец, выждав десять минут опоздания, Алла зашла внутрь.

Ресторанчик был декорирован в английском духе – стены с полосатыми обоями увешаны фотографиями со скачек, седлами и охотничьими трофеями. Довольно милая обстановка.

Зал был практически пуст. Где же Джеймс Бонд? Опаздывает?

Алла огляделась. Навстречу ее взгляду из-за дальнего столика поднялся мужчина и приветственно помахал рукой. Она подошла.

– Виктор?

– Он самый. А вы – Алла?

Виктор оказался высоким и довольно грузным. Здороваясь, крепко сжал ее ладонь сильными пальцами.

– Присаживайтесь.

Алла села.

– Ирина сказала, что у вас проблемы, – сказал Виктор, внимательно оглядывая собеседницу.

– Она говорила обо мне? – Алла была неприятно удивлена. – Что же она вам рассказала?

– Ровным счетом ничего. Просто сказала, что мне позвонит ее подруга, то есть вы, и чтобы я непременно помог. Так что рассказывать придется вам самой. Готовы?

Алла кивнула.

– А я готов слушать. Начнем?

Алла ощутила замешательство. Она не знала, с чего начать и насколько в ее случае можно быть откровенной с абсолютно незнакомым человеком. Чтобы выиграть время, полезла в сумочку за сигаретами.

– Видите ли, Виктор... к сожалению, не знаю вашего отчества.

– Можно без отчества.

– Дело в том, что мне названивает один тип и угрожает.

– Чем и за что? – спросил Виктор. Похоже, слова Аллы его не особо и удивили.

– Да какая-то странная история приключилась. Звонит неизвестный и говорит, что я ему должна. Представляете? – Алла натянуто улыбнулась.

– Да, это, как минимум, неприятно, – откликнулся Виктор, по-прежнему невозмутимо разглядывая ее. – И что же вы сделали?

– Я сказала этому типу, что он ошибся, и что не буду с ним разговаривать.

Алла сделала глоток и поперхнулась. Чай оказался слишком горячим.

– И что сделал этот тип? – спросил собеседник, дождавшись, пока она откашляется.

– Он звонил мне еще несколько раз. Нес всякую чушь. Я даже толком не помню, что именно.

Алла сделала еще один глоток, теперь – осторожно.

– Номер его сохранился? – спросил Виктор.

– Да. То есть, наверное, сохранился.

– Телефонные звонки – это все? Вы не встречались лично?

– Н-нет.

Алла от всей души надеялась, что он не заметил ее смущения, и потому повторила громко и четко:

– Нет, мы не встречались.

Виктор кивнул.

– О кей, не встречались, так не встречались. Угрозы были только на словах? Или были еще какие-то действия?

– Я не знаю, были ли это действия или просто совпадение... Понимаете, вчера вечером Артема сбила машина. Нет, нет, все в порядке, – быстро заговорила она, – даже переломов нет. Просто вечером мне позвонил этот... тип. И спросил, как Артем себя чувствует. Он сказал даже, это... это – первое предупреждение. Выходит, он сам все и подстроил. Правда?

– Возможно. Кто такой Артем?

– Мой сын. Он сказал, что если я не отдам... долг, то они заберут сына.

Алла полезла в сумочку, разыскивая сигареты, хотя пачка лежала прямо перед ней на столе.

Виктор пододвинул к ней чашку.

– Пейте, – мягко посоветовал он. – Чай хорош, когда горячий. Если остынет, будет совсем не то.

Алла послушно отхлебнула. Ее начала бить крупная дрожь, и она не хотела, чтобы собеседник это заметил.

– Сколько лет вашему сыну?

– Двадцать. То есть, скоро исполнится двадцать.

– Взрослый.

Алла криво улыбнулась.

– Вы знаете, мне в милиции так и сказали.

– Вы были в милиции?

– Да, сегодня утром. Хотела подать заявление о том, что мне угрожают.

– Ну и как, подали?

– Нет. У меня сложилось впечатление, что задача дежурного всячески отпихивать заявителей.

Виктор усмехнулся.

– В основном, вы правы. Конечно, по закону дежурный обязан принять заявление гражданина о чем угодно, хоть об убийстве Кеннеди. Но если доказательства угрозы отсутствуют, дело кончится постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела. А у вас, как я понял, с доказательствами не густо.

– Дежурный мне это уже объяснил.

– И что вы хотите от меня? – спросил Виктор.

Алла обомлела от неожиданности.

– Как что? Ирина сказала, что вы можете помочь. Или не поможете?

Задав этот вопрос, Алла возненавидела себя за просительный тон. Да кто он такой?

Чего ради она распиналась перед этим бандитом?

Она почувствовала, как по щекам пошли злые красные пятна. Стараясь скрыть свое состояние, Алла намеренно неторопливо пододвинула остывший чай. Подцепила из вазочки тонкий, почти прозрачный ломтик лимона, опустила в чашку. Размешала изящной ложечкой. Стильный ресторанчик, именно та Англия, которая возникает в воображении при чтении детективов Агаты Кристи.

Простые действия успокоили. Во всяком случае, щеки не так горели, и Алла могла взглянуть на собеседника, не задыхаясь от ненависти. А тот в это время курил и смотрел на Аллу сквозь завитки дыма спокойными светлыми глазами.

– Вы хотели получить от меня совет? – спросил Виктор.

– Возможно.

– Совет такой – спрячьте пока вашего сына.

– Что значит – спрячьте? – удивилась Алла. – Куда я его спрячу?

– Отправьте за границу. Девушка у него есть?

– Есть. Только при чем здесь она?

– Пусть поедут вдвоем, ну скажем, на Гоа, – Виктор ткнул пальцем в рекламный проспект, пришпиленный к меню.

Алла с недоумением уставилась на собеседника.

– На Гоа сейчас не сезон: дожди, – наконец произнесла она.

– Извините, не знал. Тогда пусть летят в Египет, там уже жарко. Финансы вам позволяют отправить их в путешествие?

Теперь Алла могла точно определить свое отношение к Виктору. Он ей не нравился. В самом деле, чем он мог помочь? И еще – не понравился вопрос о финансовых возможностях.

– Позволяют, – Алла отодвинула чашку и сложила салфетку, – Спасибо за совет. Похоже, мы все с вами обсудили. Остался один маленький вопрос – деньги.

Виктор вопросительно приподнял брови.

– Наверное, я что-то должна вам за консультацию?

– Не думаю, что должны. В принципе, я вам ничего особенного и не посоветовал.

«Вот тут ты прав, – подумала Алла. – Я только потратила время на то, чтобы посмотреть на такого слона, как ты».

– Ну что вы, – сказала она вслух. – Время – это самый главный капитал. Объявите сумму, пожалуйста.

Виктор смотрел на нее с интересом.

– Ну? – требовательно повторила Алла.

– У меня другое предложение.

– Какое же?

– Считайте мой совет авансом. По нему вы будете судить о степени моей, скажем так, компетентности. Нельзя же покупать кота в мешке, правда? Если совет вам подходит, мы продолжаем общение.

– На каких условиях?

– Пока не могу судить. Вы ведь мне практически ничего не рассказали.

– Как это не рассказала? По-моему, я вам рассказала очень много.

– И столь же много утаили.

Алла возмущенно раскрыла глаза.

– Хорошо, не утаили, просто не рассказали, – невозмутимо продолжил он. – Я не смогу вам помочь, если не пойму, в чем дело.

– Если бы я сама могла понять! – необдуманно воскликнула Алла.

– Вы записали номер, с которого вам звонил шантажист?

– Номер был засекречен. Знаете, так бывает, номер не определяется.

– Звонили на ваш мобильный?

– Да.

– Дайте ваш аппарат посмотреть.

– Зачем вам мой телефон? – Алла непроизвольно прикрыла сумку руками. – Я же сказала, номер был засекречен. Вы мне не верите?

Виктор задумчиво посмотрел на нее.

– А как вы относитесь к девушке сына?

– При чем здесь она?

– Ревнуете?

– Еще чего! – презрительно отмахнулась Алла. – В прошлом году была Катя, в этом Даша. А в следующем, возможно, будет Маша. Нет смысла ревновать.

Виктор кивнул в знак согласия, но не ее словам, а скорее, собственным мыслям.

– Какие отношения у вас с мужем?

– Я не замужем.

– Я имею в виду отца вашего ребенка. Кто он? Чем занимается?

– Зачем вам это знать?

– Семейные дела всегда очень деликатны. Я хотел бы быть уверенным, что отец вашего сына, Артема, правильно? – Алла кивнула, – не при чем.

– Можете быть точно уверены, он не имеет отношения к происшедшему.

– И все-таки расскажите.

– Ничего интересного. Когда-то учились в одном институте. Поженились. Родился сын. Потом разошлись. Стандартная история. Вадим – редактор одного научно-фантастического журнала.

– И вы уверены, что он не причастен к шантажу?

– Кто, Вадим? Конечно, нет! На сто процентов.

– Ну да, ну да, – неожиданно легко согласился Виктор, – давайте сделаем так. Вы отправляете сына куда-нибудь подальше от Москвы. Недели на две, не больше. А мы за это время постараемся разобраться с вашим шантажистом. Вы ведь этого от меня хотели – помочь разобраться?

Алла кивнула. Лицо собеседника было вполне дружелюбным, поэтому она решилась спросить:

– Как вы думаете, этот тип еще позвонит?

– Думаю, что да. Вы уже решили, что будете делать, если это произойдет?

– Пока нет.

– Тогда позвольте еще один совет. Не делайте ничего. Просто выслушайте то, что вам скажут, и перезвоните мне. Вместе что-нибудь придумаем. Договорились?

Голос его был настолько дружеским, что Алла заколебалась. Может быть, стоит рассказать всю правду?

Но что она может рассказать?

Как двадцать лет назад ее чуть не изнасиловали, затем пырнули ножом, и какая-то бабка спасла, а за это она обещала... Артема!

Зачем она обещала, Алла не знала. Она же вообще ничего не знала!

Не знала, что беременна, не знала, что родится сын, что они с Вадимом поженятся. А потом жизнь повернулась так, что каждый пошел своей дорогой. И дороги разошлись все дальше и дальше. Скоро они совсем друг друга не увидят. Нет, про это рассказывать не имеет смысла, ее собеседник – взрослый человек, и в его жизни наверняка случались похожие истории.

Но случалось ли ему беседовать с ожившим памятником? Видеть, как трескается земля от нестерпимого – *адского* – жара? Это страшнее, чем смерть.

Доводилось ли ему беседовать с адвокатом дьявола, а потом бежать по лестнице, рискуя поломать ноги, и бояться шороха в собственной машине? И каково узнать, что *они* хотят забрать сына, ее Артемку?

Нет, рассказывать об этом невозможно. Потому что когда рассказываешь, понимаешь нелепость ситуации. Рассказываешь и рискуешь оказаться среди пациентов психиатрической больницы.

Возможно, что это все неправда. Возможно, это только надуманные эмоции. Совпадения.

Вот пусть Виктор и разбирается. А о цене они договорятся, так ведь?

– Договорились!

За сегодняшнее утро это была самая искренняя из ее улыбок.

Зазвонил сотовый.

– Простите, – Виктор взглянул на дисплей и выключил телефон. – К сожалению, мне пора. Но мы еще увидимся?

– Да, да, конечно.

Они распрощались. Виктор направился к выходу, а Алла осталась допивать чай. Смотрела, как его крепкая коренастая фигура движется между столиков. Затем перевела взгляд на чашку. На поверхности золотисто-коричневой жидкости плавал ломтик лимона – как маленький желтый кораблик. А мирное чайное море было заключено в фарфоровые оковы изящной чашечки. И вообще, все в этом ресторане было изящным, стильным и *безопасным*.

Алла вздохнула. К черту Англию с ее чаем и наивными детективами! Надо переключаться на насущное. Джеймс Бонд прав. Тёмку надо отправлять из Москвы как можно скорее.

Алла позвонила в знакомую турфирму.

– Алло, Вера? Это Плетнева. Да, добрый день, все прекрасно. Верочка, мне срочно нужны две путевки в Европу. Я не знаю, куда конкретно. Куда сейчас все едут? Отлично, давайте в Голландию. Фестиваль тюльпанов – это то, что надо. Нет, не я поеду. Сын и одна девушка. Ее паспорт? Ох, верно, нужен паспорт, совсем из головы вылетело! Сегодня же вышлю ее данные. Да, да, смотрите на ближайшую дату. Как можно раньше. Спасибо, Верочка, как всегда, я ваша должница.

Отключив телефон, Алла уставилась в чашку, точно хотела увидеть в чае свое будущее.

После встречи с Виктором Алла все-таки поехала на работу и намеренно задержалась в офисе допоздна. Войдя в квартиру, окинула прихожую внимательным взглядом, но ни женской сумочки, ни туфель не обнаружила. Значит, Даша уже ушла.

– Привет, мам!

В коридоре появился Артем. Алла привстала на цыпочки и чмокнула в щеку. Когда-то она стибалась вдвое, чтобы поцеловать светлые шелковистые волосики на макушке, а теперь губы почувствовали на щеке щетину.

– Ну что, сын, день прошел не зря? – с улыбкой спросила она.

Артем заметно смутился.

– В общем, да.

Господи, вырос под два метра, а ведь дитя дитем!

Алла скинула туфли и зашла в ванную. Окинула цепким взглядом и сразу же нашла улику. На батарее висело белое пушистое полотенце из нового набора. Девочка принимала душ, а Тёмкин снабдил ее новым полотенцем. Очень трогательно.

Ну, тем лучше! В смысле, тем лучше им будет в Голландии.

Алла ополоснула руки и вышла.

Сын сидел на кухне в любимой позе – скрючившись на один бок и положив подбородок на коленку.

– Сядь ровно! – Алла привычно шлепнула его по спине. – Горб вырастет.

Артем нехотя спустил ногу и стал нащупывать тапок под табуреткой.

– Какие у тебя планы на ближайшее будущее? – Алла открыла холодильник и достала бутылку минералки.

– Практически никаких.

– Вот и славно! Поедешь в Голландию.

От удивления Артем упустил тапок.

– Мать, ты шутишь?

– Вовсе нет.

– Почему в Голландию? С чего вдруг?

Алла, не спеша, налила воды в стакан.

– На фестиваль тюльпанов. Коллекция из семисот сортов. Когда еще такое увидишь?

– Нет, ты точно с ума сошла! Зачем мне тюльпаны?

– купишь луковицу и привезешь бабушке. Она посадит на даче.

Артем pokrutil головой

– Ну ты, мам, даешь! В Голландию за тюльпанами срочно. Я бы еще понял, если бы за шамалью. Но за тюльпанами?

– Хватит болтать. Я купила путевки вам с Дашей. У нее, надеюсь, есть загранпаспорт?

– Естественно, есть. У кого его нет?

– Звони, пусть срочно высылает скан паспорта. А ты перекинешь его вот по этому адресу. – Алла протянула визитку. – Давай, шевелись, сына.

Артем во все глаза смотрел на мать. Чтобы избавиться от взгляда, Алла отогнула занавеску и посмотрела на улицу.

Артем подошел и прижался к плечу.

– Мам, что-то случилось?

– С чего ты взял?

– У тебя вид странный. И эта поездка... Голландия, тюльпаны, срочно... к чему?

– Просто тебе надо отдохнуть после вчерашнего, вот и все.

– Я тебе не верю.

– Ну и зря, – Алла отстранила сына и отошла.

Артем обиженно вернулся на свое место. Алла с трудом сдерживалась, чтобы не разреваться. Ей так хотелось схватить его, прижать, защитить. Но она боялась потерять контроль. В конце концов, Артем должен понять, она вся на нервах. Она купила путевки. Согласилась на Дашу. Что еще может сделать?

Взгляд сына был растерянным. Он ничего не понимал. А она понимает?

Ложась спать, Алла приняла таблетку снотворного. Она не хотела видеть никаких снов. Никаких кошмаров.

24 апреля, четверг

Алла проснулась свежей и отдохнувшей. В ярких солнечных лучах, освещавших комнату, вчерашний день показался дурным сном. Какая старуха? Какой адвокат? Все осталось в темноте, в ночных кошмарах.

Артем сидел на кухне.

– Доброе утро, Тёмкин!

– Доброе утро.

Алла налила кофе, села рядом с сыном.

– С Дашей разговаривал насчет поездки?

– Конечно!

– И как она, довольна?

– Спрашиваешь! Она ведь нигде не была, даже в Турции. Только она не понимает, по какому поводу поездка?

– А какая ей разница? Я так решила, и достаточно. Считаю, это подарок на твой день рождения. Очень удачно, что он совпал с фестивалем тюльпанов.

Во время разговора Алла старалась не встречаться с сыном глазами, он же смотрел на нее долгим внимательным взглядом.

– Что ты так смотришь? – наконец спросила она.

– Ты не обидишься, если я скажу?

– А почему я должна обидеться? – удивилась Алла. – Или ты хочешь сказать старой матери какую-нибудь гадость?

– Я не люблю, когда ты такая. – Артем покраснел, но взгляда не отвел. – Ты становишься очень ненатуральной. Фальшивой.

Алла на секунду поджала губы, но тут же расслабилась, не желая углубляться в тему.

– Хорошо, не буду, – кротко согласилась она. – Что еще?

– Еще... Мам, если ты купила две путевки, значит, ты хорошо относишься к Даше?

Тут Алла ни секунды не колебалась.

– Конечно, хорошо. А почему ты подумал, что я к ней по-другому отношусь?

– Да так... Ты все время отзывалась о ней, ну, язвительно, что ли. А теперь путевки купила.

– Ну, положим, путевки я купила для тебя. Хотя и для нее тоже. Отдохните, погуляйте. Она, небось, наряды покупает?

– Не знаю, – Артем выглядел растерянным, – наверное, покупает.

– А знаешь, что? Давай я дам тебе денег и скажу, в какой магазин съездить. Купишь ей миленький сарафанчик.

– Мама, что с тобой?

– А что со мной? – на этот раз Алла не смогла совладать с голосом. Тон был почти враждебен.

– Мне кажется, что это не я стукнулся головой, а ты. Голландия, тюльпаны, сарафанчик! Что ты задумала?

– Ровным счетом ничего. Просто хочу, чтобы тебе было хорошо. Если тебе будет хорошо с Дашей, пусть будет Даша.

Артем встал и возбужденно прошелся по кухне.

– Мама! Ты хоть понимаешь, что говоришь оскорбительные для меня вещи?

– Хорошо, – устало сказала Алла, – считай, что я неправа. Прошу прощения. Просто у меня неприятности, поэтому я так нервничаю.

– Какие неприятности? – подозрительно спросил Артем.

– Неприятности на работе. К тебе они не имеют никакого отношения.

– Значит, дело только в тебе? – не унимался сын.

– Да, да, только во мне!

Артем прижался к ней.

– Я могу тебе помочь?

Алла погладила по волосам.

– Можешь, если будешь счастливым. Больше всего на свете, я хочу, чтобы ты был счастливым.

Они стояли, обнявшись, и молчали.

– Как твоя голова, не болит? – наконец спросила Алла.

– Ни капельки.

– Ну и славно! – она отстранилась. – Но перед отъездом все-таки надо сходить к врачу.

– Хорошо, схожу, если хочешь. А когда мы поедем?

– Через пару дней, как только сделают визу.

– Мамуля, ты у меня такая классная!

– Спасибо, сынуля! Ну ладно, я побежала руководить.

Только в машине Алла позволила себе расслабиться. Она вжалась лбом в рулевое колесо и завывала от безысходной тоски и одиночества. Кто, кто поможет ей защитить Артема?

В офисе Аллу встретили сочувственными взглядами.

Коллеги жаждали подробностей, однако она поспешила отделаться от навязчивого внимания и закрылась в кабинете.

Она вспомнила, что у нее есть доказательства. Она же записала беседу с чертовым адвокатом. Из-за всех неприятностей забыла, но теперь-то вспомнила.

Алла достала диктофон и нажала кнопку воспроизведения.

Тишина. Если прислушаться, то как будто где-то далеко-далеко шумит море. А как же разговор? Цифры на дисплее меняются, запись прокручивается, но ничего не слышно.

Что за чертовщина?

Может быть, это не та запись? Да нет, все правильно: двадцать второе апреля, одиннадцать сорок. Странно, очень странно.

Алла задумалась. Получается, что доказательств разговора с шантажистом у нее нет.

Черт возьми!

Размышление прервал телефонный звонок.

Менеджер Вера из турфирмы сообщила, что путевка готова, вылет завтра утром.

Алла обрадовано поблагодарила и с облегчением вздохнула. Одно дело сделано – Артем в безопасности. Артем выведен из игры, у нее развязаны руки.

Телефон снова пискнул, пришло сообщение. Наверное, Вера забыла что-то сообщить. Алла прочла: «Старайся исполнить свой долг, и ты тотчас узнаешь, чего ты стоишь. Лев Толстой».

Нет, это не Вера. На классика потянуло, любезнейший Геннадий Эммануилович? Ну-ну, посмотрим!

Алла отбросила мобильник.

Предположим, что с записью она лоханулась. Наверное, нажала не на ту кнопку. Один – ноль в пользу адвоката. Но это еще ничего не значит. Сейчас она спокойно все обдумает и все решит.

Алла сжала виски.

Надо рассуждать логически. Прежде всего, факты. Какие факты у нее есть?

Адвокат знал о том, что в молодости на нее напали хулиганы и пырнули ножом. Непонятно, каким образом это стало ему известно, но, с другой стороны, не бог весть какая секретная информация. Старые, еще со студенческих времен, друзья это знают. Шила в мешке не утаишь, возможно, что и нынешние коллеги в курсе.

Странно другое. Адвокат упомянул про старуху. Про которую никому – никому! – не известно.

Ни одной живой душе

Мало того, чертов адвокат знал еще и про обещание. Откуда?

Мысли путались. Алла зажмурила глаза, пытаясь восстановить последовательность событий двадцатилетней давности.

Черная платформа... Ужасный локомотив, пышущий огнем, одноглазый... На станции пахло какой-то дрянью, селедкой кажется. Даже сейчас, при одном только воспоминании, к горлу подкатила тошнота.

Алла потрясла головой, стремясь избавиться от нахлынувших образов – липких, точно руки, шарящие по телу. Зато с неожиданным удовольствием вспомнила, как врезала насильнику. Как тот согнулся от боли, а в глазах, тупых, как пуговицы, мелькнул страх – значит, он испугался – *ее* испугался!

Потом... что же было потом?

Потом все, как в тумане. Сознание блокировало попытки проникнуть в опасную область.

Алла сжала виски сильнее – под пальцами запульсировала жилка.

Старуха! Потом появилась старуха. Которая сказала, что поможет... спасет. И тогда она пообещала...

Неожиданно мысли перескочили на семь лет вперед. Да, да, Артему тогда шел седьмой год.

На Новый год Алла купила ему подарок – настольную игру, про Буратино, кажется. Кусочек картона с нарисованными кружочками, белый кубик с черными точками и четыре фишки – голубая, зеленая, желтая и красная.

Сын настолько увлекся, что готов был играть часами. Какой бы усталой после работы Алла ни была, она всегда играла с ним в эту дурацкую игру. Из вечера в вечер и все выходные напролет.

И однажды Алла заметила, что сын постоянно выигрывает. Красная фишка, а Артем выбирал только ее, приходила к финишу первой. Не потому, что Алла поддавалась, нет! Просто кубик в руках Артема всегда – всегда! – показывал нужное число точек – именно столько, сколько нужно было, чтобы не съехать по стрелке вниз или пропустить ход.

Сын хотел выиграть – и всегда выигрывал.

Как и четырнадцать лет назад, Алла ощутила безотчетный страх. Потому что сын *всегда* – опять это ужасное слово! – всегда знал, где лежат потерянные вещи, знал, когда придет бабушка или заболит воспитательница.

Глаза у Аллы широко раскрылись, потому что она вспомнила еще один эпизод. Боже! Она совсем забыла про него!

В то время у нее еще не было машины, и она ездила на работу на метро. А около входа, на ступеньках в подземный переход, просила милостыню бабка. Старуха в облезлом синем пальто с цигейковым воротником. Стоило бабке посмотреть на Аллу мутноватыми глазками, как тут же случались неприятности – карманники разрезали сумку и вытаскивали кошелек, Алла наступала на решетку и ломала каблук, теряла часы или золотую цепочку, сгорал холодильник или стиральная машина. Короче, не везло – иногда по мелочи, иногда по крупному.

Уловив эту закономерность, Алла трусливо поменяла маршрут. Примерно с неделю проезжала лишнюю остановку на автобусе и спускалась в метро через другой вход. Это было неудобно – лишнее время, приходилось переходить оживленную площадь, долго стоять на светофоре. Неудобно, зато... *безопасно?*

А потом второй вход в метро обрушился. В газетах писали, что просела почва или что-то в этом роде. Провал огородили забором, и Алла вернулась.

И впервые подала бабке милостыню.

Воспоминание сделалось таким отчетливым, точно все случилось только что.

Алла подошла к старухе и сунула в цепкую горсть монету. Она воочию ощутила прикосновение холодных пальцев. Бабка пошлепала губами – с правой стороны из-под губы торчал зуб, как у настоящей Бабы-Яги – и что-то прошамкала.

В тот день повезло – по-настоящему повезло. Случилась первая крупная сделка. Алла радовалась безмерно, и хоть проценты на руки еще не получила, все равно купила торт «Птичье молоко».

А на следующий день, все еще радуясь, сунула старухе бумажную купюру. И сразу по приходу в офис директор выдал причитающиеся проценты – пухлый конверт с деньгами. С той поры так и повелось, Алла платила старухе дань, и деньги моментально возвращались в трехкратном размере.

Однажды бабка задержала ее руку в своей и прогнусавила:

– Такая молодая... Детишки, небось, есть?

– Сын, – запинаясь, ответила Алла.

– Приводи, я хочу посмотреть.

Алла вырвала руку, ушла.

На следующий день, как обычно, сунула бабке купюру и быстро отвела глаза.

Весь день не везло. Шеф наорал и пригрозил уволить за какую-то ерунду, проезжавшая мимо машина обляпала грязью новый светлый плащ, на работе обварила руку паром из чайника, а в детском саду сказали, что объявлен карантин из-за ветрянки, и всех детей отпускают по домам.

Несчастья продолжились и на следующее утро. Позвонила мать и сказала, что не приедет, потому что сломала ногу. Весь день Алла металась по городу – возила мать в травмпункт, потом ездила за костылями в специальную аптеку на Красносельской. Сын, некормленный, просидел дома один. А когда Алла позвонила шефу и попросила отгул, тот, не отошедший от недавнего гнева, ледяным тоном заявил, что в ее положении надо думать о сохранении работы, а не об отдыхе.

– Куда же я ребенка дену? – робко спросила она.

– Куда хочешь. Хочешь, привози с собой.

Хватаясь за соломинку, Алла позвонила Вадиму, они года два были в разводе, но как интеллигентные люди поддерживали видимость хороших отношений. Тот, конечно же, оказался очень занят.

И Алле не осталось ничего другого, кроме как взять сына с собой в офис.

Память осыпалась, как песок, и обнажала правду.

Она не хотела брать Артема на работу только потому, что боялась проводить его мимо бабки. Однако обстоятельства сложились таким образом, что другого выхода не было. Ей *пришлось* провести сына мимо старухи.

Та стояла на обычном месте. Даже издали Алла заметила, как блеснули ее глаза, когда увидели в толпе двоих – мать и сына.

Внутренне содрогаясь, Алла достала из кошелька купюру и протянула Артему.

– Видишь бабушку? Пойди, отдай ей денежку.

Сын принял десятку и деловито переспросил:

– Вон той, бедной?

– Да, – кивнула Алла, – иди.

Она точно не принадлежала себе, действовала, как механическая игрушка, заведенная чужой рукой. Замерла и смотрела, как маленькая фигурка в красной курточке лавирует между прохожими, приближаясь к старухе. Смотрела, как Артем протянул десятку, как старуха уцепилась за детскую ручку. Как что-то говорила своим шамкающим ртом с торчащим зубом.

Алла была точно под водой.

Наконец сын обернулся, пошел обратно. Дернул за руку, и Алла очнулась, побежала прочь, в раскрытые двери метро.

– Мама, стой! Я не успеваю.

Тогда она спохватилась, присела, обняла сына, вгляделась в прелестную мордочку. Глаза Артема были, как всегда, серьезны.

– Мама, да что с тобой?

– Со мной? Со мной ничего, – забормотала Алла. – Ты о чем говорил с бабушкой?

– Ни о чем. Мам, а почему она бедная?

– Пойдем, – Алла повела его дальше. – Бедная потому, что старенькая и одинокая.

– Вот и она так сказала. А еще она сказала про приемник.

– Какой приемник?

– Не знаю. Сказала, что ей приемник нужен.

– Может быть, ей скучно одной, – предположила Алла, просовывая жетон в турникет. – Проходи давай. А еще что она говорила?

– Больше ничего. Пожелала мне здоровья и сказала до свиданья. Еще сказала, что я приемник, – Артем расхохотался. – Какой же я приемник? Я мальчик! Только она как-то странно говорила. Не приемник, а преемник. Мам, а что такое преемник?

...Алла разжала пальцы и резко встала с кресла.

Она вспомнила все. Даже запах, царивший тогда в переходе – неистребимый запах подгорелого мяса, доносившийся из палатки с шаурмой.

Потерла лоб. Когда же она обратила внимание на необыкновенную удачливость Артема? До или после этого?

А на свою?

Ее-то звезда только начала восходить. Удивительным образом стало везти – во всем. Купила машину, квартиру, наняла няню, очень хорошую, настоящую Мэри Поппинс. Жизнь наладилась.

Алла нервно прошла по кабинету.

Нет! Разумеется, ее жизнь устроилась без участия нищей бабки в цигейковом пальто. Она сама трудилась, как каторжная, всего достигла собственным умом, а не через чью-то постель. Так чего же она боится?

А она боится – боится до ледяных мурашек, до боли в сердце.

И страх связан с Артемом.

Но почему с Артемом?

Алла рассердилась настолько, что с размаху бухнула кулаком по столу.

Бред! Просто бред!

Никакой мистики! Никаких старух и никакого обещания не было. Есть она, хозяйка преуспевающего агентства. Есть офис, стол, стул, компьютер. Все можно пощупать. Все реально! Мир материален. Это закон природы. За-кон!

И адвокат материален тоже. Он просто хочет денег. И пытается шантажировать ее сыном. Не выйдет!

Телефон зазвонил так резко, что Алла подпрыгнула.

– Алла Сергеевна? – осведомился мужской голос.

– Да, это я. А кто говорит?

– Меня зовут Аркадий Валентинович.

– К сожалению, не припоминаю. Мы с вами знакомы?

– Лично – пока нет. Но я наслышан о вас.

– Кто же вам рассказал обо мне? – подозрительно спросила Алла.

В трубке засмеялись, и по этому смеху Алла догадалась об ответе раньше, чем он прозвучал.

– Ваш номер мне дал Геннадий Эммануилович.

Черт вас всех возьми!

Алла нажала кнопку диктофона.

«На этот раз все запишется, будьте спокойны!» – мстительно подумала она.

– Значит, мой номер вы взяли у Геннадия Эммануиловича. А с какой целью вы мне звоните?

– Хочу поговорить.

– Вас там целая команда, что ли?

– Угадали, – собеседник омерзительно захихикал. – И даже больше, чем команда. Нам имя легион, ибо нас много.

– И о чем вы хотите поговорить? – ледяным тоном спросила Алла, про себя добавила «легионер хренов».

– Геннадий Эммануилович поручил передать вам еще одно предупреждение. Не делайте лишних движений, Алла Сергеевна. По мнению Геннадия Эммануиловича, вы готовы совершить большую ошибку.

– Не понимаю, о чем это вы.

– Пока не понимаете. А завтра вы получите ответы на все свои вопросы. *Убийственные* ответы.

Алла шумно вздохнула.

– Вы что-то хотели сказать, Алла Сергеевна?

– Да! Идите вы к черту!

В трубке загоготали, это был даже не смех, а нечто, напоминающее хрюканье свиньи и тьяканье шакала.

– Еще Геннадий Эммануилович просил передать, что время, отпущенное вам для раздумий, истекает, – проговорил собеседник, все еще гогоча.

И тут Алла сорвалась.

– Мерзавец! Негодяй! – завизжала она. – Я найду на вас управу! Да я вас по стенке размажу! Вы очень пожалеете, что позвонили!

Однако кричала она напрасно, собеседник отключился. В трубке была тишина. Тишина и пустота.

А еще страх.

Алла сидела, обхватив руками голову руками, и плакала в голос. Плевать, что секретарша может услышать, плевать, что кто-то зайдет. Никогда еще она не чувствовала себя такой

несчастной. Мерзавцы хотели запугать ее, она не поддалась. Но, боже мой, как же она устала! За что? За что она так одинока? Почему так несчастна?

Алла распечатала новую упаковку бумажных платочков. Весь стол перед нею был усыпан комками влажных салфеток. И все были с черными разводами – потекла тушь.

Алла достала зеркальце.

Снова зазвонил телефон. Руки задрожали.

«Не знаю, кто они на самом деле, но они не успокоятся, пока не сведут меня с ума», – подумала Алла.

Как замороженная, она смотрела на стол, на котором из-под груды салфеток слышался мелодичный перезвон. Наконец протянула руку и взяла сотовый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.